

Игорь КУЗНЕЦОВ

БЕЛАРУСЬ ЛЕГЕНДАРНАЯ

Неведомая Русь

Беларусь легендарная

«ВЕЧЕ»

2020

Беларусь легендарная / «ВЕЧЕ», 2020 — (Неведомая Русь)

ISBN 978-5-4484-8150-5

В книге собраны основные жанры белорусской народной прозы – легенды и предания. В ней отражены древние мифологические представления о происхождении Вселенной, Земли, человека, животных и растений, о горах и курганах, о реках, криницах и озерах, о ведьмах и чародеях, о купальской ночи, цветке папоротника и залятых кладах. Представлены также легенды об исторических личностях, о путях богатырских, происхождении названий городов, деревень, урочищ.

ISBN 978-5-4484-8150-5

, 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Предисловие	8
О сотворении мира и земли	10
Бог и его противник	10
Откуда горы и болота	13
О происхождении дьявола и болот	14
Происхождение гор	15
Где черти живут	16
Как у черта рога нашлись	17
О сотворении человека	18
Абака	18
Адам и Ева	19
Первые люди на земле	20
Как человек огонь добыл	20
Камни	21
Как Бог пустил солнышко в хату	22
Земля и небесные светила	23
Откуда свет пошел	23
Земля	24
Про месяц	25
О рождении месяца	26
Пятна на Луне	27
Явления природы	28
Отчего гром	28
Гром гремит – Бог поражает дьявола молнией	29
Происхождение огня	30
Про гром и молнию	33
Радуга (веселуха)	34
Великаны, силачи, богатыри	35
Про великанов	35
Силачи (асилки)	36
Богатыри	38
Почему мы не знаем, когда умрем	39
Почему дети, когда рождаются, не ходят	40
Звери, птицы и другие жители земли	41
О происхождении лошади	41
Почему лошадь никогда не наедается	42
Откуда коза	43
О происхождении медведя	44
О происхождении волка	45
Откуда собака	46
Почему кот моется	47
Мышь	48
О происхождении летучей мыши	49
Уж	50
Уж-домовик	51
Царь змей	52

Рыбий царь	53
Рак	54
Аист, или бусел	55
Откуда черные аисты	56
Месть аистов	57
Почему люди считают грехом убить ласточку	58
Вырай	59
О происхождении дятла	60
Про кукушку	61
Почему кукушка кукует	62
Кукушка и Кук	63
Кукушка, соловей и лягушка	64
Кукушка, сокол и лягушка	65
Почему ворона каркает	66
Почему ворона рано выводит птенцов	67
Каня и сорока	68
Почему каня просит пить	69
Откуда взялись чибисы	70
Стратим-птица	71
Воробей	72
Почему воробей прыгает сразу двумя лапками и почему у совы разные перья	73
Пчела	74
О пчелах	75
Как Бог пчелу за лукавство наказал	76
Шершень	77
Откуда мошки, комары, оводы и всякий гнус	78
Почему оводы и слепни в дождь не летают	79
Хлеб	80
Как хлеб совет дал	80
Паук и хлебные крошки	81
О хлебном колосе	82
Почему мало родиться ржи	83
Откуда взялась водка	84
Деревья, растения, травы	85
Сосны у Лидского замка	85
Дерево, которое скрипит «Стародавний дуб»	86 87
Дуб на трех границах	88
Дуб и сосна	89
Про березу Мицкевича	90
Осина	91
Отчего ольха красная	92
Рябина	93
Крушина	94
Разрыв-трава	95
Перелёт-трава, или летучее зелье	96
Откуда пошли белорусы	97
Полешуки и полевики	98

Костяные иглы	101
Кувада	102
Вечная граница	103
Откуда татары на Беларуси	104
Откуда крестьяне и паны	105
Откуда шляхта	106
Откуда песня	107
Откуда песня белорусская	108
Старик отец	109
Как раньше дети старых родителей бросали	110
Кто выдумал деньги	113
Великий грешник	115
Как в старину молились	116
Это тебе, Боже, а это мне, Боже!	117
Богомолье	118
О Боге и святых	119
Святой Петр и скупая баба	119
Илья и Петр	120
Нестёрка	122
Богач и бедная вдова	123
Как святой Юрий стал покровителем скота	125
Святой Юрий назначает волку, какую корову съесть	126
Николай Чудотворец и святой Касьян	127
Народные верования и страхи	128
Нядзеля (Воскресенье)	128
Среда и Пятница	129
Пятница	131
Про святые вечера	132
Домовой	133
Заговор от домового	135
Кикимора	136
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Игорь Николаевич Кузнецов

Беларусь легендарная

© Кузнецов И.Н., составление, 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Предисловие

Среди жанров устно-поэтической прозы наряду со сказками заметное место в белорусском фольклоре занимают легенды и предания. В дореволюционных публикациях и в фольклорных сборниках советского периода они помещались вместе со сказками или разбросанно появлялись в периодической печати.

И все же нельзя сказать, что народное творчество белорусов не привлекало внимания собирателей фольклора, этнографов, историков, писателей. Уже в первой половине XIX в. легенды и предания белорусского народа в той или иной мере находят свое место в русских и польских изданиях. Некоторые из них появляются в литературных обработках или вплетаются в художественную ткань произведений известных и малоизвестных писателей – белорусских, русских и польских.

Польский поэт Адам Мицкевич (1798–1855), родившийся на Новогрудчине, воплотил в высокой поэтической форме многие крестьянские поверья, обычаи и легенды. Например, в поэме «Свитезянка» он воссоздает давнее народное предание. Стоял среди лесов красивый город. Мирно в нем жили горожане. Но напал на город враг, уничтожил всех его защитников-мужчин, тогда женщины, чтобы не дать посторонним завладеть родным городом, затопили его в озере...

На материале белорусских легенд и преданий возникают произведения и в прозе. Среди них: «Шляхтич Завальня, или Беларусь в фантастических рассказах» Яна Барщевского (1794–1851). На берегу большого озера Нецердо, что на Витебщине, стоит усадьба. Зимой, когда озеро замерзает, через него прокладывают санный путь. И каждый путник может попросить пристанища у гостеприимного хозяина усадьбы, шляхтича Завальни. Когда случается буря или ненастье, Завальня зажигает на окне свечу, чтобы указать замерзшему и уставшему путнику путь к дому, к теплу. В качестве платы хозяин просит лишь рассказать интересную историю.

В 50-70-х гг. XIX в. белорусские легенды и предания все чаще появляются в общих этнографических и краеведческих описаниях отдельных местностей Беларуси. Здесь нужно отметить заметки П.М. Шпилевского («Об основании Минска», «Курган около Заславля»), К. Тышкевича («Литовский камень», «Приветственный порог»), С.В. Максимова («Как возникло Кобылье болото», «Светлое озеро»).

К сожалению, почти все легенды и предания публиковались еще не в настоящих записях, то есть не в аутентичных текстах, а в пересказах. В этом проявилось, видимо, отношение тогдашних собирателей народного творчества к легендам как к произведениям второстепенным, не имеющих таких художественных достоинств, как другие жанры фольклора.

Только в 80-х гг. XIX в., с выходом в свет классических фольклорно-этнографических сборников Е.Р. Романова, П.В. Шейна, М. Федоровского и позже В.М. Добровольского, раскрылось богатство сказочного эпоса и других видов народной прозы белорусов. Все эти авторы-составители были хорошими знатоками белорусского народного творчества. Появились и первые точные фольклорные записи легенд и преданий.

В последнее десятилетие XIX в. обращение к народным изустным рассказам стало заметным явлением. Наибольшее количество преданий о курганах, городищах, урочищах поместил в работе «Белорусские древности» историк-краевед А.Н. Сементовский, о мифологических персонажах («Из области верований и сказаний белорусов») – П.П. Демидович. «Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах» собрал в Витебской Белоруссии Н.Я. Никифоровский. Определенную дань этой «моде» отдал и белорусский этнограф А.Е. Богданович, создав на основе народных устных преданий классический труд «Пережитки древнего мирозерцания у белорусов».

В начале XX в. и в предреволюционные годы белорусские легенды в записях появляются в лучших русских и польских фольклорно-этнографических изданиях того времени. Выходят они и отдельными книгами. Например, легенды о Боге, святых, народных верованиях и др. в сборнике А.К. Сержпутовского «Сказки и рассказы белорусов-полешуков».

В советское время дело собирательства и публикации белорусских народных легенд и преданий продвигалось мало. Несколько активизировалось оно только в 70-80-х гг. ушедшего века в связи с подготовкой многотомного академического издания белорусского фольклора. Основным источником для нашей книги послужили из этого собрания «Легенды і паданні» (1983) (сост. М.Я. Гринблат и А.И. Гурский; редактор тома А.С. Федосюк, переводы тестов на русский язык и художественная обработка Н. Бунько, И. Кузнецова, И. Саверченко и др.).

О сотворении мира и земли

Бог и его противник

Когда-то Господь ходил по воздуху. Видит – пузырь висит, и в пузыре кто-то пищит. Господь спрашивает:

– Кто ты такой, почему пищишь в пузыре?

А он говорит:

– Бог!

– А кто же я?

– А ты, – говорит, – над богами бог.

– Ну, если я над богами бог... – взял Бог и разодрал пузырь.

Вышел оттуда черт и идет рядом с ним.

Говорит Господь:

– Как бы нам с тобой земли отыскать? Потому что хоть нам и без земли жить можно, а по-настоящему так жить нельзя. Есть, – говорит, – в океанской бездне земля – иди и достань ее оттуда: ты это сможешь сделать.

Ну, тот полез, взял земли в руки и еще попрятал в рот; и ту, что из рук, Богу отдал, а ту затаил от Бога.

Потом Господь говорит:

– Ну, мы эту землю посеем.

Господь землю посеял, земля стала расти. И у черта во рту стала расти. Ему стало трудно тогда уже. Потому он после трудов тех бросился от Бога и давай харкать, изо рта землю выкидывать. И где харкнет изо рта больше, там горы, курганы делаются; и где землю выкинет изо рта, и где немного харкнет, там ровнее; и где плюнет – там мхи, болота...

(Е. Романов)

Господь Вседержитель. Икона

Сначала была одна только вода; по ней ходил Бог.
Вот раз он идет и видит – плывет водяной пузырь.
Вот и говорит Бог:
– Стой!
Пузырь остановился.
Говорит Бог:
– Лопни!
Пузырь лопнул, из него выскочил черт и говорит:
– Что тебе надо, Господи?

Тогда Бог говорит:

– Надо бы сделать что-то твёрже, чем вода, а то неудобно ходить.

Вот и стали Бог с чертом предполагать, как это сделать нужно. Удумал Бог, что в воде лежит кусок земли и говорит черту:

– Достань-ка ты ту землю.

Черт как бултыхнется! А через три дня выскочил: набрал черт полный подол земли да еще за щеку напихал. Тогда Бог стал рассеивать ту землю по воде. Куда ни кинет – станет земля; и рассеял всю землю из подола. А что заложил черт за щеку, про ту умолчал, Богу не сказал. Тогда Бог говорит:

– Чтоб на земле выросли деревья и травы.

Вот и стали расти на земле деревья и травы, и у черта за щекой стали расти деревья и травы. Раздуло черту рот, нельзя ему ни пить, ни есть. Долго крепился черт. Раз стало ему совсем невмоготу, а тут и Бог идет. Пустился черт бежать, да как плюнет, да как харкнет – так все и выхаркал изо рта. Куда плевал черт, там и стала заболоченная земля с деревьями и травами.

Так вот откуда болота!..

(П. Шейн)

Откуда горы и болота

Сотворил Бог землю. Выгладил, выделал – любо посмотреть. Гладкая, кругленькая, как скворчиное яйцо. Отступил немного поодаль и удивляется своей работе, что хорошо удалась. В то время черт уже был, сидел он за кустом и от злости трясся. Зависть его брала, что Бог так хорошо все сделал. Как только Бог скрылся за небесными воротами, а их целых семь, черт давай со злости когтями землю рвать и бросать. Куда бросит – гора, куда плюнет со злости – болото. Сделал землю такой, какой мы ее и видим. Сам зарылся глубоко в землю и сделал там свое княжество. Землю Бог переделывать не захотел, так как были уже люди; куда их девать во время ремонта. Так и осталось до наших времен.

(С. Сахаров)

О происхождении дьявола и болот

Шел Спас по синему морю, видит, море начинает пениться, начинают бить необыкновенно сильные волны, появился громаднейший водяной столб. Спас подходит к этому столбу и видит в середине его живого великана, который поворачивается, но не может встать. Спас взял этого великана и бросил на берег. Явился такой красавец, что красоте его изумился сам Спас. Спас взял этого красавца и поставил его начальником над всеми ангелами. Этот красавец и начал внушать ангелам неповиновение к Богу. «Зачем, – говорит, – будем мы повиноваться Богу. Что такое чудесное сделал Бог, сотворив человека? Мы и сами сделаем такого же человека, еще лучшего». Некоторые из ангелов и соблазнились словами этого великана и помыслили в себе: «В самом деле, зачем мы будем повиноваться Богу? Пойдем и сделаем такого же человека».

Отправились и давай мутить небольшие озера и реки; трудились до такой степени, что от работы лица их сделались черными, как уголь. Долго они мутили реки и озера, появились разного рода насекомые, пресмыкающиеся и ползающие, но человека сделать не могли. Тогда пришел к ним Спас и посмотрел на них с гневом. Лица этих непокорных ангелов сделались ужасно страшными; на головах выросли рога; вместо языков у них явились огненные жала. Другие ангелы взглянули на них, испугались и отступились от них, а они и остались. Так как они помутили воды, превратили их в болота, то им и назначено жить в них. Впоследствии им стали давать различные имена: черт, дьявол, сатана, бес и т. д.

(П. Шейн)

Происхождение гор

Черт добыл песок со дна моря, а Господь из этого песка сотворил землю ровную и широкую, как кленовый лист. Черт (он был тогда в образе лебедя) утаил от него часть земли и сделал из той земли горы.

– Зачем ты понаделал таких гор? – спросил Господь у черта. – Человеку трудно будет подниматься на них.

– Ах, Господи, это и хорошо, что трудно, – говорит черт. – О вас вспомнит человек и меня тоже не забудет... Когда будет он, задыхаясь, на гору подниматься, так скажет:

– Помоги, Господи!

А как с горы станет спускаться, верно, и меня упомянет:

– Черт меня понес на такую высоту: тут и голову сломать можно.

(В. Добровольский)

Где черти живут

Был один очень прыткий ангел на небе и не хотел Бога слушать, так Бог его выкинул с неба долой. Сидел этот Люцыпер долго один на земле, а после и просит Бога:

– Очень, – говорит, – мне одному скучно; смилуйся, сделай мне товарищей одного, другого!

Бог взял чернил, пустил капельку, и появился другой черт. Люцыпер заметил, где Бог поставил те чернила, украл их и давай брызгать везде – так и натворил миллион чертей, целое войско, и повел их к Богу на небо.

– Выходи, – говорит, – будем воевать. Теперь царство уже мое.

А Бог стоит себе. Что-то издалека загудело, блеснуло. Люцыпер удивился:

– Что это?

Бог говорит:

– Это моя армия идет.

Только сказал, – гром загремел, молнии заблестали, стали летать – страх! Все небо всколыхнулось, затряслось. Черти так и попадали – куда который: кто в болото, кто в воду, кто в лес, кто в поле – куда попало. С тех пор там и сидят.

(П. Шейн)

Как у черта рога нашлись

В начале света черти были без рогов, но раз встретился черт с Господом Богом и говорит ему:

– Какой-то ты странный.

А Господь:

– Это ты странный, ведь на тебе рога.

Черт тот щуп, щуп на голове, правда, есть.

И, застыдившись, ушел. С этой поры у каждого черта рога.

(М. Федоровский)

О сотворении человека (Из собрания В. Добровольского)

Абака

Думает Господь: вот я сотворил небо и землю, – нужно сотворить людей.

Сотворил Бог Адама и отлучился, потому что был недостаток материала (для дальнейшего творения).

Боясь, что ангел осквернит сотворенного человека, Господь сотворил абаку и приставил караулить Адама:

– Не пускай никого к этому человеку, пока я не приду.

Является ангел:

– Пусти меня, абака, к Адаму.

Абака огрызается.

– Пусти меня, а то я тебя заморожу.

Дьявол напустил холода на абаку, а абака (он был голый и холода сильно боялся) согнулся и стал дрожать.

– Пусти меня, тебе шубу дам!

Абака допустил дьявола к человеку, за это его дьявол шерстью покрыл.

Оттого что абака Божьего повеления ослушался, его в церковь Божию не допускают, а кошку (она в этом не повинна) запускают частенько в церковь ловить мышей.

С тех пор абака называется уже не абака, а собака.

А сатана удалился, только обхаркал, оплевал, обгадил человека.

Приходит Господь:

– Что, абака, согрешил ты? Откуда на тебе такая шерсть?

– Господи, виноват я перед тобой: смутил меня сатана.

Дьявол случился поблизости.

– Как ты смел, дьявол, человека смущать?

– Не извольте, Господи, беспокоится: я сделал хорошо.

– Как так?

– Возьмите скверну с этого человека и выверните ее вовнутрь. Если от внутренней нечистоты начнется у него кашель, то он, кашляя, сначала на вас подумает и вас помянет: «Ах, Господи, какой кашель!..» Ну, как плюнет, потом ногою разотрет: «Тьфу, нечистая сила ко мне привязалась...»

Как черт посоветовал, так Бог и сделал. Потому что черт говорил:

– Если Адам будет здоров, то и вас, Господи, и меня он позабудет.

С тех пор у человека бывает кашель.

Адам и Ева

Господь сотворил Адаму рай, и Адам уже некоторое время находился в раю.

Задумался Господь, что у него один человек:

– Давай выну у Адама во время сна девятое ребро и сотворю из ребра ему жену.

Господь положил сотворенную им женщину около спящего Адама.

Адам просыпается:

– Е-во! Что это такое значит: лег я один, а теперь уже нас двое.

Господь и не придумывал имя Адамовой жене – так и осталась она Ева.

Господь повелел Адаму и Еву по раю и указал им, какие фрукты можно есть, а какие нельзя.

Долго Адам и Ева жили в раю в согласии. И вот дьявол подкрался к Еве и искушил ее.

– Всякие фрукты вы кушаете, а вот те, какие самые хорошие, Господь вам есть запретил.

Ева, по совету дьявола, сорвала яблоко с запрещенного дерева и Адаму дала. Яблоко это не удалось проглотить Адаму: оно так и застряло в его горле косточкой, и с тех пор у человека в горле и сидит эта косточка.

Первые люди на земле

Как человек огонь добыл

После того как Бог изгнал первого человека из рая, то человек начал дрожать от холода. Тогда Бог велел ему взять два куска крепкого дерева и тереть их. Человек послушал Бога, и от его труда дерево загорелось и согрело человека. Подсмотрел черт, как человек греется, украл у него немного на розжиг огня и поджег хворост, так что поднялось пламя наравне с лесом. А черт, чтобы погреться, как прыгнет в огонь, так вся шерсть его и опалилась, и весь он обгорел, будто головешка. Он потому такой и черный, только зубы и белки глаз белые. Увидел черт, что огонь жжется, да и отнес его в ад, чтобы тем огнем мучить грешные души. С того времени огонь служит и людям, и злу. Огонь нам светит, нас греет, дает тепло, но может принести и немало зла.

(А. Сержпутовский)

* * *

Первый огонь прилетел к нам с Перуном. Как загорелся один курень из хвороста, то люди сбежались отовсюду и давай хватать головешки и в своих куренях перепрятывать!

Но с этим огнем никому не повезло. Пока одному старому колеснику, который кроме колодок точил и веретена, не пришла в голову светлая мысль. О том, чтобы попробовать кружки на веретене вытачивать ясеневым клинком, а не вырезать ножом, как он это делал ранее.

– Почему нет? – говорит колесник сам себе. – Ясень тверже, поэтому должен взять более мягкую березу, вот и давай попробуем.

Заострив ясеневый клинок, приставил его к веретену. И, сильно прижимая, начал шморгать клинком, как смычком, то сюда, то туда, с каждым разом быстрее и быстрее, даже, смотри, пошел дым из веретена, да так пахнет, будто от огня. Он это дальше стал шморгать и еще быстрее, и быстрее, уж лоб стал мокрый да из веретена искры посыпались. Так человек нашел настоящий огонь. Тогда люди повсюду погасили тепло Перуна и завели домашний огонь. И с тех пор стали лучше жить.

(Ч. Петкевич)

Камни

Раньше камни росли большие, как дома. Один раз шла Матерь Божья и сбила пальцы о камень, заплакала и сказала:

– Ах, дай Боже, чтобы вы такие уже не росли.

С той поры камни хоть и растут, но понемногу и уже не такие большие.

(М. Федоровский)

Как Бог пустил солнышко в хату

Когда мир начался, люди не знали, как хату ставить, наконец поставили; опять не знают, что сделать, чтобы в ней видно было. Так одна женка все носит решетом солнышко и пускает в дом, а мужик мешком. Подошел человек и спрашивает:

– Что это вы, люди, делаете?

Они начали сетовать:

– Вот поставили хату и никак солнышка не наносим, все темно и темно.

Тот человек говорит:

– Что вы мне дадите, если я вам пушу солнышко в хату?

Они говорят:

– Что хочешь, то и дадим.

А не знали, что это был сам Бог. Так он им говорит:

– Я ничего от вас не хочу, только дайте слово, что в любой день примите жаждущего человека, которого накормите и позвольте ему переночевать.

Они согласились. Тогда Бог им окна врезал, и видно в хате стало.

(М. Федоровский)

Земля и небесные светила

Откуда свет пошел

Когда Бог сотворил свет, то солнышко не хотело светить на злых и начало жаловаться Богу, что ему трудно всегда светить. Тогда Бог наказал солнышко и велел ему светить только днем, а ночью, когда играют злые силы, не светить, а отдыхать.

Небо сделано так, что оно имеет семь слоев, или пластов. Мы видим только первое небо. А Бог живет аж на седьмом. Из чего сделано небо, никто не знает.

(А. Сержпутовский)

Земля

Святая земелька кормит нас и всякое зверье; носит на своих плечах, никогда не сетуя, не стеноя, а как Бог пошлет смерть, то прилепишься к ней, и ей не претит, когда нас черви точат.

Мать-земля все принимает, а всякое нечистое более всего, и еще и благодарит за это, а если хочешь знать, как она благодарит, то навези навоза да и посея рожь, так и будешь знать. Наши деды и родители не зря говорили: тем, что земля родит, поделись с нею; например, ешь сам хлеб, а солому отдай родной земле...

Никого и ничего нет богаче земли: сколько она родит хлеба, сколько дает железа! Из земли копают глину на печи, на горшки да на побелку. Да мало ли в недрах ее богатств! Кто, в конце концов, дает чистую воду? Дает святая мать земля...

(Ч. Петкевич)

Про месяц

Месяцу Бог велел светить людям ночью, пока солнышко опочивает. Только месяц очень ленивый, он плохо светит, потому Бог и велел, чтобы он каждые четыре недели перерождался. Вот почему он одну неделю молодой, другую растет до полной луны, третью – полная луна, а четвертую – совсем пропадает.

(А. Сержпутовский)

О рождении месяца

Из представлений о рождении месяца наиболее запало в память одно: Бог, когда луна состарится, крошит ее на звезды. Один кусочек кладет в лоханку, для закваски. Звезды падают туда, и начинается делаться опара, тесто подходит и переливается через край. Так и рождается месяц.

(М. Лужанин)

Пятна на Луне

Были у отца два сына, два удалых молодца. Не захотели они жить дома, заниматься черной мужицкой работой, а пошли по свету искать легкого хлеба и хорошей жизни. Вышли они из дома вместе да пошли по одной дороге, но вскоре подошли к перепутью. Вот старший брат и говорит:

– Чего нам ходить вместе? Вместе мы найдем только одно добро, а как пойдем раздельно, то можем попасть и на два.

– Пойдем раздельно, – согласился младший брат, – но если кто на что-нибудь наткнется, что-нибудь добудет, то будет его, то сделает ему славу.

Как сказали они, так и сделали. Старший брат пошел направо, а меньший – влево. Мир велик. Долго они ходили, долго искали счастья; каждый по-своему искал то, что ему нравилось. Старший брат пришел в чужое царство, нанялся на службу к одному богатому и знатному пану. А этот пан ездил аж к самому царю, да и брал с собой своего верного и ловкого слугу. Увидел раз его царь, пригляделся, да и забрал к себе. Живет старший брат у царя пан паном, всего ему довольно, разве птичьего молока не хватает. Живет, никакой беды не знает.

Долго ходил и младший брат по всему миру, много видел и доброго и злого, но злого больше, чем хорошего. Ему не хотелось сидеть и потреблять то добро, которое имел, но хотелось все увидеть, все попробовать, и сладкое, и горькое. Вот так он ходил, как неприкаянный, пока не пришел туда, где был старший брат. И начал он там учить людей, как на свете жить, чтобы всем было хорошо, чтобы все были счастливы. Стали о нем говорить вокруг, начали к нему собираться люди и слушать его разумные речи. Услышал о нем старший брат, пошел и он посмотреть, какой такой появился мудрец, не призывает ли он к бунту людей. Пришел, но не узнал брата, послушал его, да и донес царю, что появился такой-сякой человек, который призывает к бунту народ. Рассердился царь да приказал схватить бунтовщика. Захотел старший брат еще лучше выслужиться перед царем, собрал шайку царских слуг, пошел и убил меньшого брата. Но ему стало так страшно, что не знал, куда и деться. Вот бежит он ночью мимо леса, взглянет на луну, и та бежит, перенимая действия его. Он встанет, и луна в том же состоянии. Он побежит, и луна побежит. Бежал он, бежал, пока не выбился из сил и не упал. Лежит он и смотрит на луну. Пригляделся и видит там, как брат убивает брата. Тогда-то он и догадался, кого убил своими руками. Но тут и дух из него вон. С тех пор всегда видно, что на луне стоит брат над убитым братом.

(А. Сергеевский)

Явления природы

Отчего гром

Спорит Бог (Илья – вариант) с бесом:

- Я тебя, говорит, убью.
- А как ты меня убьешь: я спрячусь.
- Куда?
- Под человека.
- А я человека убью, грехи ему отпущу, а тебя убью.
- А я под лошадь спрячусь.
- Я и лошадь убью; человека на этом месте награжу, а тебя убью.
- А я под корову спрячусь.
- Я и корову убью; хозяина ее награжу, а тебя убью.
- А я под здание.
- Я и здание сожгу; человека на этом месте награжу, а тебя убью.
- А я под дерево спрячусь, там ты меня не убьешь.
- Я дерево разобью и тебя убью.
- Ну, я под камень спрячусь.
- Я и камень разобью и тебя убью.
- Ну, так я, говорит, спрячусь в воду под пень, под колоду.
- Ну, там твое место, там себе и будь.

Когда ударит где гром, так это Бог лукавого бьет. Он, как находит туча, может показаться или собакой, или свиньей, или кошкой – лишь бы кем, да и скрывается под кого-нибудь. Тогда там гром и бьет.

(Е. Романов)

Гром гремит – Бог поражает дьявола молнией

Когда гром гремит во время грозы, это Бог поражает дьявола молнией. Не пощадит он и человека, если во время грозы спрячется в него сатана: убьет Бог такого человека.

Бьет Бог и животных, в которых черт прячется, сжигает строения.

(В. Добровольский)

В грозу черта убило. Так он трое суток лежал. А когда нашли его и стали хоронить, так возили, возили землю на него, возили, возили – нельзя зарыть его. Закопают, а назавтра поглядят, а черт наверху лежит. Бились, бились, а ему хоть бы что! Потом уж приснилось кому, что ли: взяли да петуха землю возить запрягли. Как только три раза землю привезли, так и засыпали его.

(Е. Романов)

Происхождение огня

Первый огонь с неба от молнии происходит. После того как Бог прогнал Адама и Еву из рая и вместе с ними того черта, что их искусил, то наслал на них страшную бурю, гром.

Огненное восхождение святого пророка Илиш. Фреска XIX в. Рыльский монастырь, Болгария

Черт под ясень спрятался, а Бог – трах в него молнией! Так ясень и зажегся. Адам сохранил тот огонь, и по нынешний день мы его имеем.

(М. Федоровский)

Про гром и молнию

Гром и молния бывают тогда, когда по небу едет святой пророк Илья. Он так быстро ездит на своей колеснице, что та гремит, как на мосту, когда везут пустые бочки.

(А. Сергеевичевский)

Радуга (веселуха)

Говорят, что воду на небо тянет из рек и озер веселуха. Вода там тучами разносится по всему миру, просеивается через облака, как сквозь сито, и падает на землю дождем. Временами облака прорываются, тогда хлещет дождь как из ведра, а с ним вместе падают и куски облаков. Наши парни сколько раз сами находили после дождя эти облака. Они похожи на желе или на холодец, так и дрожат.

(А. Сержпутровский)

Великаны, силачи, богатыри

Про великанов

Говорят, что люди перед нами такие были огромные, что нынешние им до колена не достали бы. Глубочайшие реки им не выше чем до колена были. Головы у них были как ушаты.

Сын последнего слепого великана увидел нашего человека, который пахал землю, взял его на ладонь вместе с волами и сохой, принес к отцу и спрашивает;

– Что это за червяк такой землю точит?

А батька ему в ответ:

– Наше поколение уже погибает, а это новые люди, что после нас останутся.

(М. Федоровский)

Силачи (асилки)

Куда там нынешние люди – измельчали, осунулись совсем, как комары. Вот старики рассказывают, что раньше люди были сильнее медведя, да что там медведя, древних силачей (асилков) никто не мог одолеть. В старину у людей были чертовы ребра, словно обручи вокруг, оттого и такая сила. Но, говорят, если бы Бог дал свинье рога, то она бы и мир перевернула. Так и те силачи. Как почувствовали силу, так давай бороться, давай собой рисковать да грозиться на самого Бога. Оттого Бог и отнял у них рассудок, так что они начали лбами разбивать каменные горы. Разгонится тот силач, как баран, да как ринется лбом о камень, так мозги и потекут, а он сам брык на землю, подергает немного ногами, да и дух вон. Так и перевелись те силачи, лишь кое-где остались такие, у которых было по одному или два чертовых ребра; такие, которые лишь немного были сильнее обычных людей. Еще и теперь встречаются силачи, у которых есть целое чертово ребро. Никто не поборет, только они и сами не знают о своей силе. Говорят, тут недалеко был такой силач; так он колоду крутил в руках, как палку.

Раньше люди были такими рослыми, что едва ли не равнялись с лесом. Говорят, что еще недавно встречались такие мощные люди, да то не больше одного-двух на всю округу. Только говорят, что не знали они, куда девать свою силу. Это они прокопали реки, насыпали множество горок да разбросали всюду по миру огромные камни, которые и теперь встречаются кое-где на поле или в лесу. Наберут они, бывало, камней, огромных, как волы, да как шибанут вверх, они только – ву-у-у!.. да и полетят так, что исчезнут с глаз. А как пойдут силачи бороться, или биться и начнут рвать дубы, то даже земля стонет. Они повитоптали землю, так вспахали ее корчами, что и до этих времен на тех местах стоят озера и реки. Не было на земле никого, кто мог бы с ними помериться силою. Вот они свободно ходили себе и своевольничали. Понятно, если кто-то никого не боится, когда на него нет никакой управы, он всегда начнет творить лихо. Так и те силачи начали губить на земле всякое животное и всякое растение, а в небо швырять камни. Но вскоре часть из них вымерла, а некоторые стали обычными людьми. До нынешних времен находят кости тех силачей. У них подушка мизинца – чуть не с косой сажень. Вот какие были великаны.

(А. Сержпутовский)

На курганах, что стоят между Студенцом и Костюковичами, возле реки Жадуни, в четырех верстах один от одного жили такие мощные силачи, что могли перебрасывать один другому стопудовые камни и ловить их на лету, как мячи.

(«Легенды и предания»)

В городе Велиже в давние времена жили два брата-силача. Но как велела мать, которая одна только знала об их силе, братья не показывали свою мощь горожанам и своим близким. Чтобы хоть изредка испытать свою страшную силу, они ночью шли к Двине и, разместившись на одном и другом берегу, перебрасывали друг другу мельничные жернова.

Памятник «Асилок» – символ белорусского народа в г. Свислочь

Один полуночник услышал необычный шум, подошел к тому месту и был настолько поражен всем увиденным, что испугался и нечаянно вскрикнул. Силачи заметили его, ничего ему не сделали; только очень просили уйти и никому не рассказывать о том, что он видел. Полуночник не сдержал своего слова, скоро весь город узнал о силачах, отчего сразу иссякла их волшебная сила.

(Н. Никифоровский)

Богатыри

Давно-давно, когда еще люди жили по лесам дремучим, пришли в нынешнюю Утужицкую общину богатыри и заняли два места: одно – на речке Вараухе, в Заборье, а другое – на Иванихе, возле той же самой речки. В тех местах тогда никакого народа не было, места были свободны по всей Жанвиль-Утужицкой стороне. В лесах той стороны водились звери всякие: медведи, волки, лоси, кабаны, лисицы и рыси, а по рекам и озерам жили выдры: рыбы в водах было такое множество, хоть половником черпай.

Богатыри те были люди ростом в косую сажень, в плечах аршина два, голос имели как звон колокольный: бывало, если кто крикнет во весь голос да свистнет, то всякое дерево завалится. Вот какие были те богатыри.

Хозяйства они никакого не держали, не было у них ни скота, ни припасов. Ни хлеба, ни льна не сеяли. Кормились тем, что ловили по лесам зверей и в водах рыбу. Одежду себе они шили из звериных шкур. Вот так и жили. Может быть, и о Боге они совсем не знали, потому что никто не слышал, даже от стариков, чтобы они имели где-нибудь церковь.

Немного пожив на реке Вараухе, они задумали здесь поселиться и начали сразу строить два городища – Заборье и Иваниху. Народу тут было много, шутка сказать, каждый год бабы рождали по два-три ребенка.

Инструмента у них почти никакого не было. Говорят, что на всех имелся один топор, да и то нежелезный. Но хоть богатыри и не имели инструмента, а городища все равно строили. Имея всего один топор, эти силачи перебрасывали его из городища в городище, так как не хотели тратить времени на переход. Крикнет, бывало, силач из одного городища другому, топор давай, а тот возьмет топор и кинет ему. Такая была у них силища, за это и назывались они богатырями. Это еще ничего топор перебросить, версты за три, а то, бывало, нужны на строевые бревна, то пойдет кто-нибудь в лес, вырвет дерево с корнем да так и тащит в городище, а то камень придется приставить, то он возьмет его да швырнет за версту или более, прямо к городищу. Бросали и такие огромные камни, что были в полсажени величиной, но не всегда камни долетали до городища. Есть места, которые совсем забросаны камнями. Деда говорили, что тут богатыри друг против друга воевали, бросаясь камнями. Они и зверей убивали камнями, поэтому камни и лежат донныне в лесу. А потом, говорили старики, эти богатыри ушли отсюда, как только перевелись в лесах звери, и меньше стало в воде рыбы. С того времени и городища их опустели, ведь после них не скоро пришли сюда наши деда, которые выбирали себе лучшие места, чтобы сеять рожь и разводить скотину.

(Ф. Альхимович)

Почему мы не знаем, когда умрем

В старину люди знали то время, когда к ним смерть придет. Раз узнал человек, что скоро умрет. Вышел он на улицу; поглядел – его изгородь валится. Вот и стал он связывать соломою колышки. А тогда еще Бог ходил по земле с учениками. Стал он колышки связывать, а Бог и идет.

– Что это ты, – говорит, – человек, соломою связываешь колышки. Ты бы взял прутьями связывал.

– А сколько мне жить! Я скоро умру. На мой век и соломы хватит, а кто будет жить после меня, тот пусть и связывает.

Ну, Бог тогда рассердился и так сделал, что не стали люди больше знать, когда умрут.

А тот человек как стал жить, как стал жить, так и изгородь его развалилась, и новую поставил – и та развалилась.

(Е. Романов)

Почему дети, когда рождаются, не ходят

В старину никто не ходил, как родится: ни собака, ни кот, ни корова – никто. Носит хозяйка целый год да растит, как дитёнка. И до тех пор так было, пока не стал Бог ходить с учениками по земле.

Пришел раз Бог к хозяйке. А она на руках качает теленка, поскольку он не ходит. Жалко стало ее Богу; он и говорит:

– Дай ты мне то, что у тебя родится, я перекину через зярод, и он будет ходить, как только родится: кто б ни был – или щенок, или поросенок.

Баба та подала тогда Богу поросенка. Он взял и перекинул через зярод. Поросенок тот и побежал. Тогда она дала ему жеребенка. Он перекинул через зярод – и жеребенок побежал. Дала ему теленка – и теленок побежал. И кого только ни давала – и щенка, и котенка, всех, – Бог как только перебросит через зярод, так они и бегут. Передавала она так всех, кто только есть в хозяйстве. И был у нее ребенок малый в доме. Бог говорит:

– Давай ребенка. Я перекину через зярод, и он будет ходить.

А она говорит:

– Нет, боюсь. Он разобьется.

И не дала.

Так вот потому дети и теперь не ходят, как рождаются.

(Е. Романов)

Звери, птицы и другие жители земли

О происхождении лошади

В старину, говорят, боронил человек, а черт пришел и сел на борону, чтоб человек не мог сдвинуть с места борону. Тогда Бог сказал на черта, чтобы он был лошадыю, – и черт стал конем. С тех пор и появились на свете лошади.

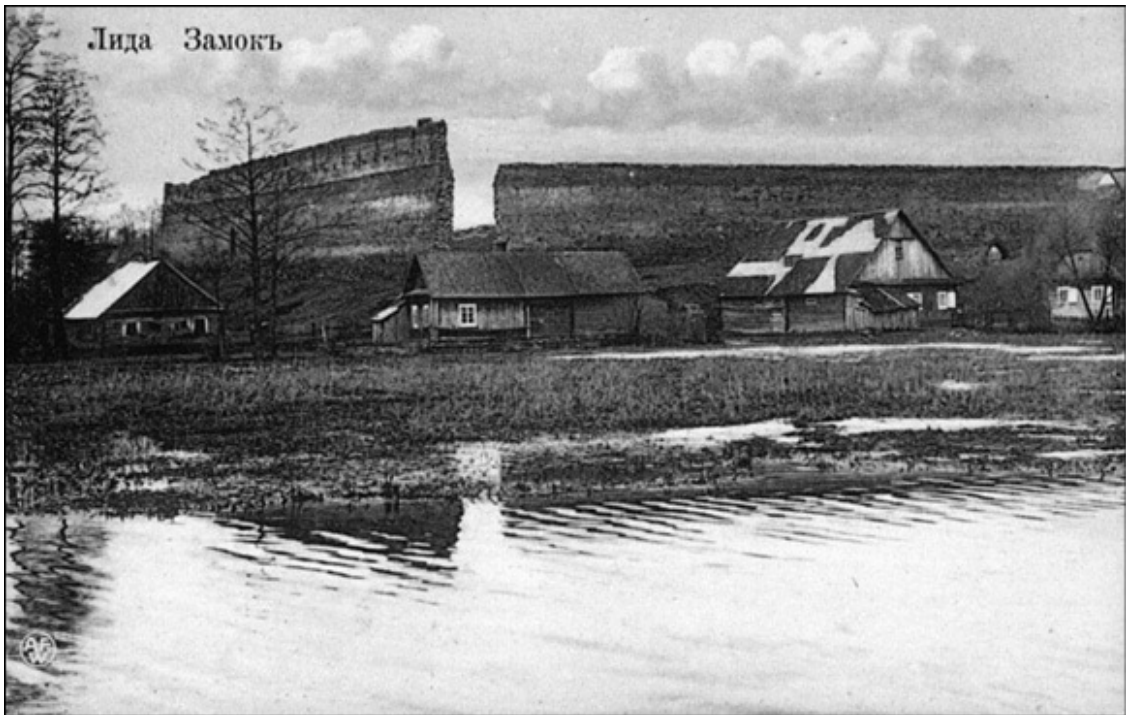
(П. Шейн)

Почему лошадь никогда не наедается

Известно, что вол поест немного и ляжет, а лошадь ест, ест и никогда не наедается. А почему это так Бог дал? Потому что когда Пресвятая Дева ходила по миру, то надо ей было перейти через водный поток.

Сначала она попросила коня:

– Перевези меня.

Лошадь. Беловежская Пуца

А конь говорит:

– Я еще не поел.

Тогда она обратилась к волу:

– Перевези меня, волик, через воду.

Вол:

– Садись, сейчас перевезу.

Она села на него, и он перевез ее на другую сторону. Вот поэтому вол быстро поест и отдыхает, а лошадь ест день и ночь и не может наестся.

(М. Федоровский)

Откуда коза

Бог все сотворил: овец, и коров, и лошадей, и людей. Все, все чисто, что сотворил, так Божье все живое. А черт сделал козу, но не живую, без духа, духа не напустил. Поставит он ее, она стоит, не идет; толкнет – она повалится. Бог смотрел, смотрел, да подошел, да дунул – и стала коза живой, и пошла коза. А на черта и сейчас похожа: и рога как у черта, и борода, и глаза стеклянные.

(Е. Романов)

О происхождении медведя

Ходил когда-то Бог по земле, теперь уже не ходит. Ну и захотелось мужу и жене испугать Бога. Они бедняками были.

– А что он ходит, нас ничем не наделяет, – давай испугаем его.

И стали думать, как Бога испугать.

– Подлезем под мост и замычим, а он испугается нас.

А Бог сказал:

– Коль вы так замычали, то и будете век мычать.

И превратил их в медведей. Оттого и медведи пошли.

(П. Шейн)

Медведь был человеком, когда еще Бог ходил по земле. Ходил Бог стареньким старичком, старцем. Вот один старик увидел его и думает: «Дай-ка я его спугну, чтобы он не ходил по моей округе». Взял да под мост и полез. На той дороге мост был. Только Бог на мост, а старик:

– Э-ге! – и взревел, пугать стал.

А Бог говорит:

– Будешь же ты реветь весь свой век.

Так старик и стал медведем, только стопы человеческие.

(Е. Романов)

Знаете ли вы, откуда взялся медведь?

Медведь прежде был такой же мужик, как и все мы, гарапашники.

Давно это случилось. Людей тогда было мало. Это сейчас так народу умножились, что едва земля их носит. А в старину люди жили кое-где в лесах, ловили зверя, птиц, а в озерах и реках – рыбу. Летом собирали ягоды или копали коренья, делали запасы на зиму. Больше всего запасов орехов и меда. Пчел было много. Они сами водились в дуплах и в земляных норах. По лесу и теперь еще есть пчелы в дуплах. Люди искали таких пчел, и кто первый находил, того и были те пчелы. Человек обвязывал дерево, на котором велись пчелы; считалось, что эти пчелы его, а потому никто не мог их трогать. Но жил среди людей один ленивый мужик. Ему не хотелось самому искать пчел, и он ухитрился выдирать чужие соты. Только трудно было ему влезать на деревья. Начал он искать колдуна, при сопричастности которого легче было бы лазить на деревья.

За семью лесами, за семью болотами имелся такой колдун. Вот и пошел ленивый мужик к нему. Идет он, идет лесами, видит – липа обвязана; думает – пчелы. Подошел поближе, посмотрел: дупло совсем низко, а в дупле – мед. Выдрал лентяй соты и пошел дальше. Видит – другое дерево обвязано. Выдрал он и тут соты. Сытый и довольный, подходит ленивый мужик к землянке колдуна. Колдуна не оказалось дома. Смотрит мужик, а возле самой землянки в дереве – пчелы. Давай он и тех пчел соты выдирать. Но тут колдун появился. Взглянул на чужого человека и говорит:

– Раз позарился ты на чужое, то с этого времени и ты, и твои дети, и твои потомки будете все пчелиные соты драть!

Превратил колдун того ленивого мужика в медведя. Вот откуда взялся медведь.

(А. Сержпутовский)

О происхождении волка

Бог сотворил человека из глины, а черт сотворил волка – и стали между собою спорить, чье творение лучше. Бог говорит:

– Мое лучше.

А нечистый говорит:

– Мое лучше.

Препираются.

И Бог сказал:

– Ты сам на свою работу будешь тюкать, а моя работа будет всему свету в радость. Вот только погляди на мою работу – с нее весь свет начнется, а вот отступи и взгляни на свою.

Нечистый отступил, а волк тут вскочил и побежал, и ужаки за ним поползли. Тогда черт отвернулся и крикнул:

– Гам!

А Бог и засмеялся.

– А что, – говорит, – разве не сказал я, что ты и сам будешь на свою работу тюкать?

Ну и все так на волка и тюкают.

(П. Шейн)

При сотворении мира черт сделал из дерева волка, большого, как конь. Принес к Богу и показывает:

– Хорош будет?

– Э, нет, большой.

Черт снова стругал, стругал, сделал, как жеребенка, и принес к Богу, а Бог сказал:

– Еще большой.

Так он снова давай стругать и выстругал уже в самый раз.

Принес к Богу, Бог сказал:

– Теперь хорошо.

Тут черт как крикнет:

– Куси, волк, Бога!

А Бог:

– Куси, волк, черта!

Волк кинулся к черту, а черта нигде нет. Спрятался он на ольхе и весь разодрался. Потому как сдерут кору на ольхе, то видят, что ее древесина красная, и это кровь черта.

(М. Федоровский)

Это было так. Остались малые сироты без отца, без матери. Некому было кормить их, ухаживать за ними; некуда было им деваться. Тогда Бог сжалился над ними и сотворил волков. Прежде скот без пастухов, сам пасся. Ну, волки как стали скот есть, вред наносить, люди и давай нанимать пастухов. И этих сирот наняли. Стали они и сыты, и одеты. А волки так и пошли отсюда.

(Е. Романов)

Откуда собака

Собака была человеком; в раю он был сторожем – сначала, еще от Адама. А после что-то украл, проштрафился, да и сбрежал. Тогда Бог говорит: ну будь же ты собакой! Так он и стал собакой. И теперь дворы стережет и брешет. Вот и собака.

(Е. Романов)

Почему кот моется

Поймал кот воробья и... стал мыться. А тот и утек. Во второй раз поймал и говорит:
– Нет, я вперед тебя съем, а потом мыться буду.

Сейчас кот сначала поест, а потом моется.

(«Турайські слоўнік»)

МЫШЬ

Строил Ной ковчег, и черт долго с ним и с Господом Богом спорил, что ковчег затонет, а чтобы произошло, как он говорит, подговорил мышь, чтобы прогрызла дыру в ковчеге, и пообещал ей, что сделает ее за это барыней.

Когда ковчег поплыл по воде, мышь и давай выгрызать дырочку, а кот это высмотрел и хватить ее за горло. Но Ной, увидев это, выпросил у кота мышку, чтобы он ее не задушил, засадил ее в клетку, а коту приказал стеречь ее. Ной не позволил коту съесть мышку, потому как обещал Богу держать на ковчеге каждой твари по паре.

Кот и по сегодняшний день мышь ненавидит, потому что хотела затопить ковчег.

(М. Федоровский)

О происхождении летучей мыши

Летучая мышь, или кожан, произошла из обыкновенной мыши следующим образом. Обыкновенная мышь раз съела косточку из той говядины, которую освятили на Пасху. От этого и превратилась в мышь летучую.

(П. Шейн)

Уж

По поверьям, все змеи обладают вещью силой, необыкновенною мудростью, но один только уж склонен употреблять свою мудрость на пользу дома, где он поселился: и если угождать домашнему ужу, то и он в свою очередь будет радеть тому дому. Вообще поселение ужа в доме считается хорошим предзнаменованием: стоит только ужу угодить – и он будет приносить в дом счастье. Но беда, если домашнего ужа прогневить: тогда он постарается жестоко отомстить. Поэтому крестьяне кладут своим узам пищу и питье и вообще заботятся о том, чтобы не раздражать их. Нам не раз приходилось слышать, что в южной части Бобруйского уезда и далее к югу, в Полесье, есть много ужей, совершенно ручных, которые едят из одной миски с детьми, посаженными есть на пол, как это часто бывает у крестьян. Думают, что уж имеет яд, но по доброте своей не пускает его в дело, не хочет жалить.

(А. Богданович)

Уж-домовик

Жил-был в одной хате уж-домовик. Хозяин не обижал его, хозяйка, подоив корову, всегда угощала теплым молоком, а дети принимали в свои игры. И случилось так, что нашли они, играя, на старой завалинке возле хаты яички, которые сложил тот уж-домовик, чтобы вывелись из них маленькие ужата. Защемило от боли ужиное сердце, когда он увидел, что его ужатам беда угрожает. Бросился он к детям, вился возле их рук, стремясь отвести беду, и жалобно шипел:

– Не обижайте моих деток! Отдайте их мне!

Но дети не понимали ужиного языка и, чтобы он не мешал им в играх, взяли ветку и прогнали с подворья.

И пополз, горя, домовик в пушу. Ползет-ползет и плачет над своим несчастьем. Вдруг видит: выползает из трохлявого пня его знакомая – злая ядовитая змея.

– Отчего так грустишь? – спрашивает она у ужа.

А тот и говорит о несчастье своих деток. Змея злорадно улыбнулась и говорит:

– Не плачь, я тебе сейчас помогу.

Не успел уж и оглянуться, как змея – шмыг на подворье в деревенскую каморку. Там как раз стояли крынки с молоком. Подползла она к одной крынке, поднялась над ней, раскрыла пасть и впустила в нее каплю отравленного яда. Потом подползла ко второй крынке, третьей, четвертой и каждую из них отравила. Онемевший от страха уж не только не смог выдать из себя слова, но и просто остолбенел на пороге, смотря на змеиные проступки. А та шустро переползла через порог на подворье, цикнула ужу:

– Вот я и отомстила за твоих деток!

И шмыгнула с подворья снова в пушу.

Как раз в то время в хате была хозяйка и через щелочку в дверях каморки видела, что вытворяла змея-гадюка. Закрыла она плотно на защелку каморку и пошла искать мужа, чтобы сказать ему об увиденном.

Вдруг на подворье пришел сам хозяин, заметил, с чем играют его дети, и сейчас же приказал:

– Осторожненько соберите и отнесите все яички туда, откуда их взяли.

Дети послушно собрали свои необычные игрушки и занесли на завалинку.

– А теперь, – говорит им отец, – накройте яички листьями и крапивой так, как они лежали раньше.

Дети сделали все так, как им было сказано. Тогда отец и говорит им:

– Это яички нашего ужа. Он спрятал их на завалинке, чтобы через несколько дней из каждого яичка вылупился маленький уж. Вот поэтому и нельзя трогать их, нельзя обижать ужа.

Уж, увидев, что его детки спасены, сразу же бросился к каморке. Но двери ее были плотно закрыты. Он нашел мышиную норку, проскользнул через нее в каморку и начал переворачивать крынки с отравленным молоком. Перевернул одну, перевернул вторую, третью, а когда подполз к четвертой, двери вдруг открылись, и на пороге каморки появились хозяин с хозяйкою и детьми. Уж даже и не заметил, как учтиво и с какой благодарностью смотрела на него вся семья.

Не зря по селам, которые разбросаны вокруг Беловежской Пуши, люди говорят: «И самый злой зверь за добро благодарит добром».

(М. Гайдук)

Царь змей

Говорят, что есть царь змей, что его можно узнать по золотым рожкам, которые у него на голове. Если сбить те золотые рожки и носить их при себе, то можно идти, куда захочешь, так как не удержат никакие замки и запоры. Ловкие воры имеют такие рожки, вот почему их никто не может поймать. Они вот как достают рожки царя змей. На Воздвижение змеи собираются в одном месте, чтобы ползти на зиму в теплые края. Змеи, как и птицы, имеют свой «вырай», следуют в него под командой своего царя, который ползет впереди всех. На Воздвижение нужно чуть свет пойти в лес, где около полянки есть много хвороста и следить. Как только взойдет солнце и хорошо пригреет, змеи начнут вылезать из хвороста и нор, поползут на солнышко греться. Сначала змеи ползают туда-сюда беспорядочно, а потом, как покажется сам царь, они начнут его обвивать, как пчелы свою матку. По тому змеиному клубку нужно ударить хворостиной, но только один раз, не более, тогда царь змей и сбросит свои рожки. Нужно скорее их взять и бежать, не оглядываясь.

(А. Сергеевичевский)

Рыбий царь

Давным-давно в лесах было много зверей и птиц, а в речках и озерах – рыбы. У них были и свои цари, которые оберегали их от охотников и рыбаков. В те времена рыбаки по-всякому пробовали расставлять сети, бучи и крюки на Двине. Но всегда пусто было в их неводах.

Однажды недалеко от берега Двины справляли свадьбу. Гости были веселые, пели и плясали. На свадьбе был один рыбак-волшебник, который увидел, что вместе со всеми танцует какой-то веселый панич с рыбьим хвостом. Но тот хвост видел только он – волшебник, другие не видели. Рыбак сообразил, что это рыбий царь из Двины. Он быстро вышел и оповестил своих друзей-рыбаков. Рыбаки начали ловить рыбу и к утру натаскали ее целые горы, много-много пудов. Когда же со звездами явился рыбий царь и все увидел, то с большого горя целую неделю так плакал, что вся Двина жалостно волновалась и стонала. С той поры царя рыб уже никогда не видели среди людей.

Такой же царь правил и в Слонимском озере возле Двинска. Однажды рыбаки в этом озере через день-ночь выловили только маленького ершика да с горя бросили его в огонь возле берега. Из озера послышался голос, который слышали рыбаки:

– Все дома?!

Один рыбак тоненьким голосом отозвался:

– Нет только мертвого ершика!

Ершик выпрыгнул из углей – и в озеро. Рыбаки только руками развели на это чудо.

(С. Сахаров)

Рак

Бог сотворил мир. Все пришли к нему и поклонились. Бог вставил на каждое лицо глаза, чтобы все посмотрели на него. Позже всех приковылял рак.

– И сколько ж ты, рак-бедолага, волочился сюда? – спрашивает его Бог.

– Ковырялся я в корягах, – ответил рак и не поклонился Богу.

– Возьми вот себе эти глаза, которые здесь остались, – сказал ему Бог.

Рак пощупал своими клешнями те глаза и бросил их под ноги Богу:

– Возьми их себе, эти глаза, и вставь куда хочешь, а мне такие глаза не нужны, – сказал гордо рак и повернулся к Богу задом.

– Так не мне же эти глаза нужны, рак, а тебе, – загремел Бог и вставил раку глаза в зад.

С тех пор у всех на лицах глаза как глаза, лишь у рака глаза сзади.

(И. Сербов)

Раздавал Бог всем глаза. Давал, давал, все раздал, остались только одни глаза, маленькие, черные. Тогда Бог и говорит раку: «На тебе их, рак!» А рак рассердился: «Да куда мне их такие? В зад засунуть!» Так Бог ему и сделал глаза сзади.

(П. Шейн)

Аист, или бусел

Аист – это человек, обратившийся в птицу...

Однажды Бог собрал всех гадов и лягушек в кожаный мешок, отдал их человеку и велел утопить их в реке, строго-настрою запретив ему развязывать мешок. Человек пришел к реке и, подстрекаемый сильным любопытством, решил посмотреть, что именно принес топить. Но только он развязал мешок, как оттуда выпрыгнуло множество гадов и лягушек и разбежалось по болоту. Тогда Бог сказал человеку: «Собирай же, пока не соберешь всех!» А чтобы ему было удобнее собирать, превратил его в птицу.

Аист, или бусел, у крестьян называется вешей птицей. Чтобы удобнее пользоваться его предсказаниями, они устраивают ему гнезда вблизи своих жилищ и убеждены в том, что если не будет в гнезде никакого металла, то не будет и аистов, ради чего и кладут туда железо и медь.

(П. Шейн)

Откуда черные аисты

Говорят, когда-то они жили рядом с людьми – мастерили свое жилище на крыше хаты или сарая и каждое утро веселым клеткотом будили деревенских пастушков. Радовались такому соседству и дети, и старики. А люди каждую весну встречали их из далекого вырая, как самых дорогих и близких.

Но, говорят, в деревне однажды поселился злой, недобрый человек. Ему было все не так, все не так. Не мог терпеть он и клеткота аистов. Чтобы не слышать его, полез на крышу, сбросил аистят, а гнездо разорил.

Долго кружили в тот день птицы над неприветливой хатой. Потом полетели в лесные чащобы, где не было ни деревни, ни людей, и заночевали на высоченном дубе. Когда взошло солнце, птиц было не узнать. От обиды и несправедливости они почернели.

Потом на том дубе они построили себе новое гнездо.

А позже в нем появились и аистята. Очень доверчивые и беленькие. Но когда они подросли и узнали про ту большую обиду, также оделись в черную одежду. Так и полетели они, черные, в далекий вырай.

А весной вернулись. Только не в деревню, а в пушу.

И хотя того недоброго человека давно уже нет на свете, птицы никак не могут забыть о своей обиде и каждый год стороной облетают людские поселения.

Правда, иной раз черный аист на рассвете прилетает на неманский плес, заходит в теплую воду и с печалью посматривает на крыши домов.

(«Родная природа»)

Местъ аистов

Человеку, который разрушил гнездо аиста, предсказывают: жди беды, будет кара небесная. И выпадает, приходит кара. Находит аист того, кто обидел его, и мстит злобно, жестоко: то принесет и бросит на крышу головню и охватится дом огнем, а то и гадюку бросит в колодец – пейте слезы мои...

(В. Казько)

Почему люди считают грехом убить ласточку

У нас в деревне говорят: «Кто касаточку (ласточку) убьет, тому в ад идти». И еще вот что рассказывают: «Когда Иисуса Христа на крест повели, стали они, враги, Христа на кресте распинать, гвоздями ручки, ножки прибивать. А воробьи все летали над Христом, они крыльшками махали, в носиках гвозди держали, врагам подавали. Враги начнут гвозди забивать, а воробьи чирикают: они радовались, как Иисуса Христа мучили. А тут летели из-за синего моря касатки, они это увидели и как стали кричать. Налетели они на врагов, стали у них гвозди отнимать, налетели они на воробьев, – стали воробьев от Христа отгонять. И сказал Иисус Христос: «Касаточки, птички вы мои! Вы меня, Иисуса Христа, вот как жалеете! А положу я, Иисус Христос, такое слово, чтобы люди вас не трогали, не убивали, и чтобы вам, касатушки, стужи вовек не видать! А кто вас убьет, у того пусть рука отсохнет». И сказал Иисус Христос: «Чтобы вам, воробьям по метели, по стуже летать! Чтобы вам, воробьям, хлебного зерна не видать, а если кто вас убьет, на том и греха нет».

(П. Шейн)

Вырай

Пока человек не согрешил, до тех пор он жил в раю, а когда согрешил, то Бог его выгнал из рая, а сам рай отдал птицам, чтобы он даром не пустовал, так как и самая красивая пустынь делается скучной.

Вот с тех пор и начали птицы всей земли лететь на зиму в теплые края, в вырай. А чтобы они не плутали да не гибли, Бог начертал им на небе верный путь. По этому пути каждый год летят всякие птицы, но долетают на юг только те, которые не делают другим зла. Как злые люди никогда не попадут в рай, так и злые птицы болтаются над землей, убивают других, пока наконец где-нибудь не погибнут. А хорошие птицы поют и красуются летом у нас в рощах, радуют хороших людей, а как начнутся холода, так они и летят на юг, где поют и радуют святых и ангелов, красуются в раю. Вот почему большой грех убивать тех птиц, которые осенью летят в теплые края.

(А. Сержпутовский)

О происхождении дятла

Дятел произошел от человека...

В одно воскресенье пчеловод пошел в лес, чтобы сделать борть для пчел; влез на сосну и начал ее долбить. Бог, увидев это, сказал:

– Долби постоянно!

И превратил его в дятла.

(П. Шейн)

Про кукушку

Жили-были брат и сестра. Брат был бедным, а сестра – очень богатая. Однажды пошел брат к сестре, чтобы хоть куском хлеба помогла. Сестра скупая была, сказала, что ключи от клетки потеряла. И начала она будто бы искать ключи, а брат стоял, стоял под окном, ждал, ждал и, наконец, не выдержал и ушел. На дороге он упал и умер от голода. Сестра образумилась и стала звать брата:

– Якуб, Якуб, вернись, ключи нашлись.

Через свою скупость она стала кукушкой, и теперь все время зовет:

– Якуб, Якуб!

Только слышно:

– Ку-ку, ку-ку!

(«*Легенды и предания*»)

Почему кукушка кукует

У одной женщины была дочка. У той дочери был человек, и его убили. И дочка очень плакала о нем. А мать говорит:

– Не плачь, дочка, на Петров день я тебе куплю человека.

И вот летает каждый год кукушкой до Петра и кукует:

– Куп-лю, куп-лю, куп-лю...

И все никак не выберет.

(«*Турайскі слоўнік*»)

Кукушка и Кук

У птиц был свой царь – Кук. Летал он по лесу, разгонял волков и лисиц, змей – всех, кто нападал на птичье царство. Однажды Кук не вернулся в свое гнездо. Загрустили все лесные птицы:

– Кто же нас теперь защитит?

Стали советовать. Что делать? Надо идти искать своего заступника. А кто пойдет? У каждого есть свое дело: тот гнездо вьет, тот яйца высидывает, тот детей растит; один – старый, другой – маленький. Решили птицы отправить кукушку – у нее гнезда нет и детей нет. Испугалась кукушка, что надо собираться в дальнюю дорогу, и снесла яичко.

– Куда же я его спрячу? – задумалась кукушка.

– Положи свое яичко в любое гнездо! – ответили ей птицы.

– А кто будет высидывать?

– Кому положишь, тот и смотреть будет.

– А кто моего птенца растить будет? – спросила кукушка.

– Кто будет своих птенцов растить, тот и твоего досмотрит.

И полетела кукушка искать Кука.

Пролетит немного, сядет на ветку и зовет:

– Ку-ку!

Пролетит и снова зовет.

(«*Легенды и предания*»)

Кукушка, соловей и лягушка

Жили муж с женой и были у них сын и дочь. Ну, так ведьма заклала отца: он превратился в ужа и уполз в лес. Его звали Якуб.

Раз жена у него просится к братьям сходить с детьми.

Он говорит:

– Иди себе, а только как мне тогда следить за тобой?

– А я, – говорит, – войду в лес и закукую, – ты и ползи туда.

– Хорошо, – говорит. – Только ты смотри не говори там никому, где ты живешь, с кем, кто я есть.

Ну, пошла она к братьям; те были ей очень рады, стали чествовать ее. И стали спрашивать:

– Где же ты, сестрица, замужем? За кем ты? Кто он такой?

Она возьми, дура-баба, да и скажи. А дочка еще и прибавила. Только сын молчал, ничего не говорил. Тогда братья почувствовали что-то неладное.

– Ну, – говорят, – пойдем мы вас провожать.

Пришли с ней в лес. Она закуковала, он приполз. Тогда братья взяли да убили его. Он перед смертью и говорит ей:

– Будешь же ты весь век свой куковать. – А на дочку: – А ты будешь ей помогать. – А на сына: – А ты не возражал, так и будешь молчать.

Ну, так она превратилась в кукушку, а дочь – в лягушку, а сын – в соловья. Так они и сейчас: она все зовет мужа: Якуб! Якуб! (ку-ку). А дочка ей помогает: Нет! Нет! (ква, ква). А соловей все молчит, только ночами поет.

(Е. Романов)

Кукушка, сокол и лягушка

Жил один богатый человек. Якубом его звали. И были у него жена, дочка и сынок. И дом у него стоял на помосте. Вот пришли к нему разбойники ночью, обворовать его, потому что он был очень богатый. Пришли разбойники, а он под помостом скрылся. А жена из дома выскочила и в деревню убежала, остались только дети: дочка и сын. Разбойники тогда подошли к сыну и давай у него спрашивать:

– Где твой отец?

Он молчит.

– Где отец?

Молчит.

Ну, они избили его и пошли к дочери.

– Где отец?

– А под помостом лежит...

Они помост разобрали, а он там сидит. Ну, они его вытащили, и убили, и деньги взяли. Когда пришла мать из деревни, то говорит сыну:

– Сынок, мой голубок. Полетим мы с тобой в бор, а она пусть весь свой век квакает, потому как кровь отца запеклась на помосте.

И сделалась она серой кукушкой, а сын ясным соколом, и полетели они в лес; а дочь превратилась в лягушку и попрыгала в болото.

Стала мать куковать: ку-ку! ку-ку! Это, значит, зовет Якуба, траур по нему носит; а сокол все молчит; а лягушка скворчит...

(Е. Романов)

Почему ворона каркает

Давным-давно кукушка подложила свое яйцо в воронье гнездо. Всем известно, что кукушка гнезда не имеет и яиц не высидывает.

Ворона ничего не заметила и с материнской хлопотливостью сидела на яйцах.

Наконец скорлупки яиц начали трескаться, и из них появились головки маленьких воронят.

Удивилась ворона, когда увидела, что из одного яйца вылупился особенный вороненок. Она радовалась, что родился такой пригожий сынок. Лучше и чаще кормила она его и называла: паничек. Кукушонок рос и хорошел.

Однажды, когда паничек был уже большой, ворона принесла корм и начала кормить детей.

Паничек-кукушонок кинулся на ворону-мать с когтями и хищным клювом. Еле-еле, бедненькая, вырвалась из его когтей и отдышалась. Она отлетела на соседнюю ветку и начала голосить: «Кат! Кат! Кат!»

С той поры и того часа ворона не перестает каркать.

(«Зорка»)

Почему ворона рано выводит птенцов

Мурашка и ворона поспорили о чем-то. А поскольку – какое у вороны или муравья имущество – оба голые, как бичи, то побились об заклад на самое драгоценное: на детей. Ворона проиграла. И вот поэтому выводит детей, пока муравьи еще спят в своих муравейниках. Сама мерзнет, и дети мерзнут...

(В. Короткевич)

Каня и сорока

Раз Бог сказал всем птицам чистить море. Ну, они все стали чистить и вычистили. Только сорока не чистила. А когда вычистили море, каня взяла да обмылась. А сорока увидела это, вывалялась в грязи и полетела к Богу.

– Боже, Боже! Я чистила море, вот я вся грязью обляпалась; а каня не чистила море, вот она какая чистенькая вся.

Тогда Бог говорит кане:

– Ну, если ты не чистила море, то ты и не пей воды из моря, а пей только воду с камня и с листа.

Вот почему она теперь, когда долго нет дождя, летает и кричит; пить! пить! Просит у Бога пить.

А после Бог разобрался, в чем дело, что сорока ему солгала. Так она была белая, а стала рябая: те пятна на ней остались, и теперь, как если б она в грязи вывалялась. Она очень хитрая птица.

(Е. Романов)

Почему каня просит пить

Когда сотворил Господь Бог наш мир, то вся вода была в одном месте. Вот и собрал Господь всех птиц и сказал им:

– Птички мои, работнички мои! Соберитесь вы все, и разнесите вы воду по всему миру, разлейте вы воду в речки бегущие, в озера стоячие, в криницы холодные. Собрались все птицы и стали носить воду. Носили-носили, пока всю не разносили. Одна только каня не послушалась Господа Бога, не носила воду, за что и проклял Господь каню, сказав ей так:

– Ты воды не носила, не пей ты ни в речке бегущей, ни в озере стоячем, ни в кринице холодной, а жди ты разве дождя моего проливного.

И стала с тех пор просить каня пить – хочу пить, пить – и ждет дождь. Напиться она ни откуда воды не может, и только когда дождь идет, она разинет рот и ловит капли.

(П. Шейн)

Откуда взялись чибисы

Раньше, когда была война со шведами, шведы завезли в Россию чибисов. При встрече с человеком чибисы громко кричали. Шведы тогда шли на зов птиц и убивали людей. И теперь чибисы, как увидят людей, громко кричат.

(«Легенды и предания»)

Стратим-птица

Бог знает, когда это было: строил себе Ной ковчег, когда Бог потоп насылал. И приказал Ною собрать в ковчег всех зверей, всех птиц, всякую скотину по паре. Ну, все собрались, а лебедь один – Стратим по имени – говорит, не пойду в ковчег, я сам справлюсь с водой, всю воду проплыву. Сильный был. Ну и поплыл. И плавает. Стало все затоплять. Некуда прочим птицам деваться. А Стратим плавает себе. Вот те прочие птицы летали, летали, да к нему, да на него и понаседали. Так пока садились на спину, то ничего, ну а то и на носик стали садиться – у него носик большой был. Ну, как понаседали на носик, он носом в воду – и затонул. С тех пор и перевелся.

(Е. Романов)

Воробей

Воробей (рабок) – герой рябиновой ночи, во время которой буря рассеивает воробьев. Рябиновая ночь бывает между Пречистыми (вторая половина августа – первая неделя сентября). Громы бьют один за другом, страшный ливень льет... а молнии блись да блись, кажется, что весь мир горит. В эту ночь воробьи так разлетаются, что уже так и живут по одному.

(Ч. Петкевич)

Почему воробей прыгает сразу двумя лапками и почему у совы разные перья

Однажды воробей сделал что-то нехорошее, и за это его должны быть наказать. В поисках спасения воробей спрятался в дупло, откуда его нельзя было достать. Тогда птицы приставили на стражу сову и заплатили ей по перу из собственных хвостов, потому что сова была в то время голая, без перьев. Днем сова заснула, а воробей перебрался в другое дупло. После долгих поисков кукушка поймала воробья и выдала его птицам. Воробья жестоко наказали и связали ему ноги. Поэтому и до сих пор он не ступает, как другие птицы, а подпрыгивает.

Из-за того что сова плохо стояла на страже, не может она теперь не спать днем, а птицы и поныне выщипывают у нее свои напрасно отданные когда-то перья. А кукушке в знак награды за то, что она поймала воробья, птицы позволили класть яйца в их гнезда.

(В. Короткевич)

Пчела

Бог дал людям пчелу и сказал, что она будет лучшей букашкой для людей, что ее все будут любить и уважать. Пчела от радости сильно зазналась и говорит:

– Кого я укушу, тот умрет.

А Бог заметил:

– Нет! Не тот умрет, кого ты укусишь, а сама перестанешь жить.

И вот теперь все пчелу любят как наилучшую и наипрекраснейшую букашку. А она, как только кого укусит, сейчас же и умирает.

(С. Сахаров)

О пчелах

Создал Бог шмелей, а черт пчел. Видит Бог, что мало у него толка и дохода: рой весь разлетается, куда попало, да и меда нет. Зашел он к черту посмотреть, что у него делается. Тот накормил его медом. Понравился Богу мед, и ему завидно стало.

– Будем, – говорит он черту, – меняться.

Черт, разумеется, не согласился.

– Ну, так ладно, – говорит Бог, – вижу, что с тобою ничего не поделаешь, так уступи мне хоть одну пчелу.

Подумал, подумал черт, да и согласился. Бог взял у черта пчелу, дунул на нее, и стала она маткой. Запела она, зазвенела и начала подниматься вверх. Пчелы все поднялись вслед за маткой, да и улетели.

Вот черт и остался ни с чем, а у Бога – и мед и воск.

(П. Шейн)

Как Бог пчелу за лукавство наказал

Говорят, что в старину пчелы имели наилучшую добычу меда с зерна.

Раз Бог идет, и вдруг летит пчела с медом. Бог ее и спрашивает:

– Скажи мне, с чего лучшая добыча меда?

Пчела думает: «Наверное, Бог хочет добычу меда отнять, но не дурная и я!» Да и говорит:

– С липы.

А Бог:

– Ну, если с липы, то и не летайте никогда на зерно; лучше я вас знаю, с чего лучшая добыча меда!

И с того времени на зерне ни пылинки меда нет.

(М. Федоровский)

Шершень

Пчел первоначально Бог сотворил одних полезных на благо человеку. Черту это завидно стало, и стал он неотступно просить Бога предоставить ему в пользование хоть несколько таких пчел. Разгневанный этой дерзостью черта, Бог схватил целую треть пчел и бросил их ему прямо в лицо. От сильного удара пчелы вдруг стали крупнее и разлетелись в разные стороны, а от прикосновения к чертову лицу – черными и получили способность больно кусаться. И теперь еще шершневая оса прежде, чем укусить человека, старается ударить его в лицо.

(П. Шейн)

Откуда мошки, комары, оводы и всякий гнус

Мошки, комары, оводы и всякий гнус как объявились в мире. Когда Бог творил всякое зверье и птиц, то черт стоял и следил издалека. Вот Бог взял горсть песка, бросил песок на ветер, да и говорит:

– Летели всякие птицы.

И птицы полетели и начали кружить да петь на просторе. Увидел это черт и захотел сам сравняться с Богом. Взял он горсть песка, швырнул песок вверх, да и говорит:

– Летели.

А кто и забыл сказать. А тут как полетели мошки, комары, оводы и всякий гнус, как нападут на черта и давай его кусать, так он крутился-вертелся, бегал-бегал, а они следом за ним роем. Видит он, что нечем их унять, разогнался да бултых в воду. Комары и мошки туда и давай роится, ждать пока он из воды вылезет. Вот потому с того времени комары, мошки и всякий гнус всюду снуют и вьются над водой.

(А. Сержпутовский)

Почему оводы и слепни в дождь не летают

Когда сотворил Господь мир, то увидел, что от овода и слепня не будет жизни ни людям, ни животным – заедят всех. Но раз уже сотворил, то нельзя истреблять, и Господь решил оставить их, но чтобы дать передышку и людям и животным, решил оторвать им головы, а на их место приставить другие – из глины. Когда пойдет дождь или становится сыро, голова намокает и тянет вниз, вот оводы и слепни и не летят, но как только распогодится, голова высыхает, вот и лезут.

(Ю. Гаврук)

Хлеб

Как хлеб совет дал

Один человек ходил на охоту и рыбу ловил, но у него никогда хлеба не было. Однажды он сел и горюет, что хлеба нет, хлеб же говорит:

– Оставь ружье и удочку, и я у тебя буду.

Он и оставил, и с того времени имел хлеба столько, что не знал, куда и девать.

(М. Федоровский)

Паук и хлебные крошки

Мужик работал в поле, выронил крошку хлеба. А пауку назначено было Богом за хлебом присмотреть. Взял он эту крошку, да на дерево с нею. Когда настал вечер, он стал плести свою паутину. Ветер как понес ее, как понес – до облаков. Крошка эта выросла уже и заплесневела. Сел паук на облако да на небо. Пришел к Богу, показывает ему эту крошку:

– Боже, Боже! Зачем ты даешь им столько хлеба, что они не могут его съесть? Глумятся над даром Господним, бросают под ноги всюду!

– Ну, – говорит Бог, – я буду им меньше давать!

Так вот и есть, не надо крошек бросать, потому как паук собирает их и к Богу на небо носит. А Бог меньше хлеба дает.

(Е. Романов)

О хлебном колосе

Давным-давно, во времена незапамятные, когда людей еще было мало на свете, все хлебные растения, как то: рожь, ячмень, пшеница и другие, – родились такими колосистыми, что колос был в длину всего стебля, от макушки до земли, и такими полновесными, что несколько таких колосьев только что в подъем для одной руки человеческой. Много и теперь ленивых жниц, а тогда все женщины были лентяйки, жили в довольстве, как сыр в масле, притом их было немного, а всего родилось в изобилии. Вышли раз женщины жать такую колосистую и полновесную рожь и стали роптать на Бога, что он родит рожь с такими колосьями, которые и тяжелы, и простираются в длину всего стебля, как бы только для того, чтобы они мучились, когда и в руку-то забирать такие усатистые и увесистые колосья неудобно и тяжело, а носить снопы и возить в гумны совсем не под силу.

Бог, услышав такой ропот, решил стрясти все колосья и оставить одни стебли. Но в то время, когда он приступил к этому делу, в поле находилась собака. Смекнув, что если очистится весь колос, то хлеба вовсе не будет, она завывала жалобно, прося Бога оставить хотя бы небольшую часть колоса на их собачью долю. И Бог внял собачьему вою и, сжалившись, очистил не весь колос, а оставил его наверху стебля на столько, на сколько он родится и теперь. И так люди теперь питаются не своей долей хлеба, а собачьей.

Когда Бог создал человека, то долгое время хлеба не было: люди ели разные корни. Говорят, даже бульбы не было. Больше всех голодали собаки. Поэтому они, подняв свои морды вверх, страшно завывали, прося у Бога хлеба. Бог услышал их просьбу и бросил им с неба один ржаной колос. Но собак было много, и один колос не смог накормить их всех, поэтому они стали его отбирать друг у друга и рвать в разные стороны, пока наконец не растерзали его на хлопья и не затоптали ногами. Оттого зерно рассыпалось по земле, и на второй год от одного колоса пошел такой богатый урожай, что люди намолотили целую бочку ржи. И с тех пор стали сеять хлеб – а все по почину собак.

Прежде, в далекие старые годы, на каждом стебле ржи выростало по два колоса. Хлеба у человека тогда было столько, что он не знал, куда его девать: валялся он и под ногами, и топтали его все, как люди, так и животные.

Раз приходит к мужику Бог в виде убогого нищего и просит милостыни. Мужик велел ребятишкам собрать валявшиеся на полу корки хлеба и положить их нищему в суму. Ребятишки положили в суму и целые стебли, и отдельные колоски. Нищий вышел из хаты с видимой досадой; ему обидно было, что мужик так брезгует даром Божиим и дает нищим только тот хлеб, который валяется на полу. А нищий этот был сам Бог, и поэтому он сделал так, что в короткий промежуток времени рожь совершенно выродилась и сделалась до такой степени тощей и скудной, что человек вынужден был отказать в корме не только домашним животным, но и себе.

Собака и кошка, наголодавшись более других, пошли к Богу просить себе пропитания. Бог вынул из нищенской сумы стебелек, с одним только колоском наверху, и велел им разводить себе с него рожь. Стала у них рожь расти с одним только колоском. Человек, заметив у собаки и кошки эту рожь, отнял и ее на свою нужду, а им предоставил самую малую часть.

Хотя по древности люди позабыли, что настоящие хозяева ржи, стало быть, и печеного хлеба, собственно собаки и кошки, но следы полноправности на этот дар Божий до сих пор обнаруживаются при еде хлеба: человек, когда ест, подбирает даже крошечки, собаки и кошки оставляют эти крошки без всякого внимания.

(П. Шейн)

Почему мало родиться ржи

Когда Бог первый раз собственноручно засеял рожь, то рожь была плодородней! Зерна как бобы, колосья до самого верха росли, в трубу свивались. Но как только черт придумал из зерновых водку гнать, то они сейчас и десятой доли того не рожают.

(М. Федоровский)

Откуда взялась водка

Это было еще в ту стародавнюю пору, когда люди верили, что черти ходят по земле в образе человека. Вот к одному не очень богатому человеку – крестьянину – пришел парень и попросился на работу (это был черт). Крестьянину парень понравился, и он взял его к себе.

Наступила весна, начали люди пахать поле и сеять хлеб. Тогда парень и говорит хозяину: – Этот год будет мокрым, а потому зерно нужно сеять на возвышенности.

И, правда, год был мокрый. У крестьян почти все зерно пропало, и только у него был хороший урожай. Крестьянину этот трудяга так пришелся по сердцу, что он его оставил и на другой год.

Прошла зима, вновь наступила весна. Трудяга и говорит:

– А этот год будет очень сухим, и поэтому нужно сеять зерно в низинных местах.

Так и сделали. Выросло у хозяина так много хлеба, что и девать некуда.

– А теперь, – говорит трудяга, – наварю я райского питья, – и начал варить водку.

Хозяин созвал много гостей и начал угощать их сваренной чертом водкой. Сам хозяин и гости так перепились, что не могли удержаться на ногах, а потому качались, кто-то упал, а там и без ругани не обошлось. Все черти очень обрадовались такой выдумке и с насмешкой смотрели, как пьяные ругались друг с другом. Вот поэтому и сейчас пьяного человека черти доводят до дурного.

(С. Сахаров)

Деревья, растения, травы

Сосны у Лидского замка

На склоне холма, как бы подпирая замок, растут две многолетних сосны. Они сохранились благодаря известному среди горожан и окрестных жителей убеждению, что выросли они не на растительном соке, а на крови.

Случилось это еще во времена, когда в Литве господствовало язычество. Пришли сюда девять монахов-францисканцев проповедовать христианскую религию. Однако литвины, не желая принимать христианство, убили этих миссионеров, а трупы их бросили в яму на склоне Лидского замка. На этом месте, не саженные, выросли две сосны, которых литовцы, уже ставшие католиками, не трогали.

Руины замка в г. Лида

Но вот однажды кто-то отсек ветку, и из нее выступила кровь. С тех пор никто уже не осмеливался поднять топор на эти деревья.

Бирута (А. Доровинская)

Дерево, которое скрипит

Не советуют рубить дерево, которое скрипит, ибо это верный признак, что в нем чело-
вечья душа мучится. Срубивший такое дерево заставляет ее искать себе новое пристанище, за
это он может поплатиться увечьем, а иногда и своей жизнью.

(А. Богданович)

«Стародавний дуб»

Давным-давно близ Старого Борисова, большого имения, некогда принадлежавшего князьям Радзивиллам, расположенного в местности богатой лесами, рос на одной поляне «стародавний дуб» очень больших размеров. Если кто, бывало, рубанет его топором, то непременно с тем случалось несчастье. А когда, по приказанию владельца, срубили этот дуб, то, падая, он раздавил всех рубивших его. А, кроме того, целую неделю свирепствовала страшная буря с громом и молнией, причинившая много бед.

(А. Богданович)

Дуб на трех границах

Девственный лес, который называли Завишанской пущей, тянулся некогда верстами. Но у леса, конечно, были хозяева. Хорошая половина принадлежала князю Радзивиллу, часть – казне. Была тут и небольшая поляна-прогалина, отданная крестьянам.

Старый дуб, на который выводили через лес просеки, как раз стоял на том месте, где сходились границы-пределы, что отделяли княжеский лес от государственного, а от него – крестьянское поле и луга.

А спилить великан-дуб приказал небогатый местный панок, который купил у князя часть пущи и этим, видимо, хотел всем показать, что наконец всемогущий магнат потерял свои права на пущу, которая столетиями принадлежала его княжескому роду. И все-таки знаменитый дуб пошел не на дрова. Распилили его на плахи и передали на строительство церкви в Лядах...

(Л. Прокончик)

Дуб и сосна

По дороге в Несвиж растут, обнявшись, два дерева – дуб и сосна...

Говорят, было это еще при князе Радзивилле. У князя была красивая дочь, и полюбила она пастуха. И пастух ее тоже любил. Но пожениться они не могли, князь об этом и слушать не хотел. И вот они решили сбежать из замка. Узнав об этом, князь разгневался, недалеко от замка догнал их со своей свитой. Не пожалел князь ни дочери, ни пастуха: там и окончилась жизнь их. На том месте выросли дуб и сосна. Они и сейчас растут, навеки обнявшись.

Давно это было. Жили на свете девушка и парень. Они любили друг друга, хотели пожениться. Но пожениться им не дали родители, так как парень был богатым, а девушка бедной. С горя парень взял да умер, а девушка пришла к нему на могилу и отравилась. После этого на их могиле выросли сосна и дуб. Сосна своими лапками как бы обнимает дуб.

(«Легенды и предания»)

Про березу Мицкевича

Прощаясь со своей любимой Марьлей, Мицкевич посадил в Тугановицком парке, расположенном недалеко от озера Свитязь, березу: «Пусть растет на память о том, что были времена, когда девушки выходили замуж не по любви».

Марья поливала эту березку слезами тоски. Дерево выросло высоким. Однажды ночью в эту березу попала молния.

Девушки из окрестных деревень верят, однако, что береза живет. И той девушке, которая найдет ее, береза принесет счастье и сына-поэта. На Купалу вместо того, чтобы искать цветок папоротника, девушки из окрестных деревень ищут березу Мицкевича.

(«Легенды и предания»)

Осина

Осина считается проклятою, потому что на ней Иуда удавился. Она до сих пор дрожит от этого. Осину кладут на могилу колдунам, осиновыми кольями пробивают их в гробах, если они выходят из могил. Постоянный эпитет осины – горькая.

– Повисни ты на горькой осине – проклятие.

(Е. Романов)

Отчего ольха красная

Ольха у нас идет только на дрова, а больше ни на что не пригодна, потому что это дерево залито чертовой кровью. Вот как это было. Позавидовал черт Богу, что на свете все так красиво сотворено, да и захотел сам сделать еще лучше. «Погоди, – думает черт, – что это за собака: малая, неуклюжая. Вот я сделаю большую, сильную и с такими клыками, что ее все будут бояться». Подумал он и вылепил из глины волка. Как раз в то время шел Бог. Не узнал черт Бога, думал, что это простой человек, да и давай на него волка натравливать:

– Куси, куси его!

А глиняный волк стоит и не шелохнется, понятно, глина. Оглянулся Бог и сказал:

– Куси, волк, черта!

Только Бог это произнес, как волк бросился на черта и схватил его за лодыжку. Черт туда, сюда – не может вырваться из зубов волка. А тот как схватил за лодыжку, так немалую часть ее и вырвал. Льется кровь, как из вепря, когда его заколют. Допрыгал черт на одной ноге до дерева и заскочил на него. Сидит черт на ветке и поглядывает на волка, а кровь из ноги льется по всему дереву.

А это была ольха. Потому и древесина ее красная.

(А. Сержпутовский)

Рябина

Когда Бог изгнал Еву из рая, она так расплакалась, что из ее глаз стали капать кровавые слезы; из них впоследствии и выросла рябина.

(Н. Никифоровский)

Крушина

Крушина появилась на том месте, куда падали слезы дьявола. Черно-красный цвет ягод и самый сок последних и доселе хранит вид чертовых слез, только вкус их значительно изменился оттого, что крещеные люди касались кустарника.

(Н. Никифоровский)

Разрыв-трава

Разрыв-трава добывается особым способом. Эту траву знают только вещицы птицы, как, например, сорока, сова и сойка. Найдя гнездо с птенцами одной из этих птиц, нужно в нем замазать глиной отверстие, так чтобы птица не могла кормить своих детей. Под деревом, на котором свито гнездо, следует разостлать скатерть и самому спрятаться под ней. Побуждаемая писком голодных дитёнышей, желая освободить их из неволи и накормить, птица полетит искать разрыв-траву. Бывает, что она и находит ее. Тогда она прикладывает разрыв-траву к гнезду, и замазка с него спадает. Вот тогда-то и нужно смотреть на скатерть: не упала ли разрыв-трава. Если найдешь ее, разрежь ладонь на правой руке и подсунь под кожу траву. Тогда стоит только толкнуть этой рукой в запертую дверь – она отворится, стоит только взяться за замок – он сам открывается.

(А. Богданович)

Перелёт-травя, или летучее зелье

Рассказывают, что перелёт-травя способна переноситься с места на место, цветок ее из цветов радуги, чрезвычайно живой и красивый, и в своем ночном полете блестит, словно звезда. Счастлив тот, кто ее сорвет, не познает горя в своей жизни, все его желания исполнятся, это – зелье счастья...

(Я. Барцевский)

Откуда пошли белорусы

*О, край родны, край прыгожы!
Мілы кут маіх дзядоў!
Што мілей у свеце божым
Гэтых светлых берагоў.*

Я. Колас

Когда-то мир еще только начинался, ничего нигде не было. Повсюду стояла мертвая вода. В центре этой воды торчало что-то, похожее на камень.

Однажды Перун как разыгрался и давай пулять стрелами в этот камень. От его стрел рассыпались три искорки: белая, желтая и красная. Упали те искорки на воду; от этого вся вода помутнела, мир потускнел, словно тучи. Но через некоторое время, когда все прояснилось, то и определилось, где вода, где земля. А еще через некоторое время завелась всякая жизнь и в воде, и на земле. И леса, и травы, и звери, и рыбы, а потом и человек завелся: или он пришел откуда-то, или вырос тут.

Этот житель мало-помалу стал заводить тут свои человеческие порядки. Долго ли он так жил или коротко, но имел он уже свое поселение, имел много жен и еще больше детей. Было ему прозвище Бой. А как пришел час его смерти, он созвал своих сыновей и разделил все свое имущество. Только об одном сыне забыл. Тот в это время был на полешне (охоте), а с ним были любимые собаки отца Ставра и Гавра. Прозвище этому сыну было Белаполь.

Вскоре после смерти отца вернулся Белаполь с полешни. А братья ему говорят:

– Вот отец поделил нам все свое имущество, а тебе он оставил собак. И еще сказал, чтобы ты пустил их по свету: одну – в правую сторону, другую в левую. Сколько они земли оббегут за этот день, то эта земля вся твоей будет.

Пошел Белаполь и поймал двух птиц. Пустил одну птицу на юг и говорит одной собаке:

– Бери!

Пустил другую птицу на запад и говорит другой собаке:

– Хватай!

Как полетели те птицы: одна в одну сторону, другая в другую. Как побежали собаки за птицами, то аж земля задымилась. Как пошли те собаки, то до сих пор и не вернулись, а по их следам две речки протянулись: в одну сторону пошла Двина, в другую сторону – Днепр.

Вот на этих просторах Белаполь начал селиться и устанавливать свои порядки.

У этого Белаполя от разных жен его развелись разные племена под прозвищем Белорусы. Они и до этого времени там ходят, земельку боронуют и жито сеют.

(С. Сахаров)

Полешуки и полевики

Было у отца двенадцать сыновей, все хлопцы рослые да удалые. Жили они на большой поляне, среди дремучего леса. Занимались хозяйством, охотились на диких зверей и птиц. Старик отец, как голубь седой, сидел и летом в колушке и только распоряжался. И были в семье лад да любовь.

Оженились сыновья, пошли у них свои дети. Большая выросла семья. Все слушались старика отца, и каждый делал свою работу. Но вот спустя некоторое время умер отец. И пошли в семье нелады. Ссорятся жены братьев, одна другую поедом едят, нету согласия. И такая пошла между ними свара, что и мужья ничего поделать не могут. Кричат жены, хотят делиться. «Ну что ж, – думают братья, – надо делиться». Начали делиться. Да дело оно не такое и легкое, как им казалось. Кое-как с криком да зыком поделили добро и скот. А как дело дошло до земли, то чуть друг друга не поубивали: никак не могут поделить свою полянку, чтоб никому не было обидно. Перессорились братья из-за земли и стали один другому врагами.

Только два младших брата жили между собой в большом согласии: куда один, туда и другой. Не захотели они биться с братьями за землю, покинули отцову хату и пошли по свету искать другого пристанища. Сделали братья из двух дубов большие сани, запрягли в них шесть пар волов, положили добро, посадили жен с детьми и двинулись в путь на санях по песку. А коровы и мелкий скот пошли за ними. Протащили волю по песку дубовые сани немного, да и встали как вкопанные. А колес-то у братьев не было, и ничего о них не знали они. Ведь никуда из своего леса не только летом, но и зимою не ездили. Начали братья отпиливать круглые колодки и подкладывать их под полозья. Катятся колодки, и сани вперед ползут. Надоело младшему брату подкладывать под полозья колодки, вот и говорит он старшему:

– Давай сделаем так, чтоб колодки сами под полозьями крутились.

И сделали они первые в тех краях колеса. Легче пошли теперь волю, так что братья и сами сели на воз. Едут и дивуются, как это они до сих пор без колес обходились.

Семья полещуков у своего дома

Ехали они, ехали, доехали до большой реки. Осмотрели реку – всюду она глубокая, нигде нет удобного места, чтоб переехать вброд. А тут такая буря поднялась, что лес, словно зверь, ревет. Ломает буря деревья, как соломинки, и бросает в реку. Плывут они по реке целыми

грудями. Посмотрел на них младший брат, подумал и догадался, как перебраться через реку. Наловили они с братом деревьев, очистили их от веток, связали бревна одно с другим и сделали крепкий плот. А когда буря утихла, втащили свой воз на плот. Сами стоят на плоту, управляют длинными жердями – баграми, и плывет себе плот, как корабль. Увидели коровы, что волю поплыли на другой берег, кинулись в реку за ними вдогонку. Только свиньи да овцы побоялись прыгнуть в воду. Стоят на берегу, хрюкают, блеют. Вернулись братья с плотом назад и забрали их. Так переправились все через широкую и глубокую реку. Поехали они дальше и забрались в такую пушу, что и конца ей нет. Начали братья прорубать в пуше просеки да гребли мостить. Да куда там! Чем дальше, тем лес все гуще и гуще, а в нем такие завалы, что и выбраться нельзя. Старший брат заморился, ослаб.

– Останусь, – говорит он младшему брату, – я здесь, ведь силы не хватит из этого лесу выбраться.

И остался жить со своею семьей в лесу. С той поры и его самого и весь его род стали называть полешуками. А младший брат не захотел в лесу оставаться. Был он силен, как тур, и надеялся на свою силу. Он один прокладывал просеки, гатил гребли и ехал дальше. И до наших времен остались еще на Полесье те просеки да гати, что понаделал младший брат. Долго ли он так выбирался из дремучего леса или недолго, но вот, наконец, стали попадаться прогалины да песчаные поляны. Поселился младший брат на этих полянах, стал их распахивать да сеять хлеб. И с той поры прозвали его и весь его род полевиками. А потом расселились полешуки и полевики, заняли и другие леса и поля, стали добрыми соседями. Так живут они и теперь.

(А. Сергютковский)

Костяные иглы

В урочище Корасци, где находится так называемый большой путь каросценцев – вбитые в болота сваи, – жил некогда народ очень дикий, но миролюбивый. Жилье их было также на сваях, и только по доскам, которые на ночь прятались, этот народ ходил в лес стрелять дичь, зверей, а на берегу ловили бобров. Соседи уже не раз приходили, чтобы посмотреть на пришлых и посоветовать им построить жилье на земле. Но они при появлении людей прятались в свои дома и поспешно забирали доски, служившие вместо моста, и только один старик выходил навстречу гостям с каким-нибудь подарком, но строить жилье так, как им советовали, не соглашался.

Однажды у одного из наших людей порвалась одежда, и он не знал, что ему делать. В это время к ним подошел старик, живший в доме на сваях, сказал, что это не беда, и быстренько пошел в свой дом. Через некоторое время он вернулся с дочерью, которая начала зашивать одежду, и вот здесь наши люди удивились: игла, которой шила дивчина, была костяная. Прошло несколько времени, и тот человек, которому девушка зашивала одежду, принес ей несколько стальных игл. Все жители на сваях очень обрадовались и удивились тем иглам и обещали за них звериные шкуры и просили еще принести игл. Благодаря этому случаю «свайники» сдружились с соседями.

Через некоторое время наши люди ночью увидели зарево над тем местом, где жили каросценцы. В пожаре сгорели все свайные дома. Погибли животные, а люди едва спаслись. После этого каросценцы построили себе дома на земле возле большой дороги и стали так же жить, как наши предки.

(«Минская старина»)

Кувада

Витахмовцы, говорят, когда-то были чародеями. Перед родами муж долго смотрел жене в глаза, а потом исчезал из хаты, шел в пуцу и там кричал и бился о деревья, будто брал часть страданий на себя. И жены рожали легче. Потом, как всегда, от этого осталась одна оболочка. Никто почти не умел «брать на себя», но в пуцу все равно шли... Это называлось кувадой. Немыслимой древности обычай...

(В. Короткевич)

Вечная граница

Жил когда-то на нашей земле князь Радар, который сначала кузнецом был, а потом же его выбрали в князи. А в Ляцкой стороне жил король Лях, у которого был Змей Крагавей. Повадился Змей Крагавей в нашу сторону ходить: придет, людей поедает, а коль не съест – убивает.

Думал-думал Радар: что делать? И начал он лемехи ковать и дубы ломать: задумал огромную соху сделать. Каждый лемех по пятьсот пудов, а полки из старого дуба, а вожжи из самых больших сосен, которые были в пуще. Сделав соху, снес Радар ее в поле, положил ее, а сам давай камни таскать да башню муровать. Замуровался в каменной башне, заперся на трое железных дверей, а дружину спрятал при себе. Прибегает Змей, а Радар ему:

– Стой, Змей, не трогай людей, а вот когда ты пролижешь эти три двери, то я тебе сам съеду на язык, и ты меня съешь, – тогда делай что хочешь в моей стороне.

– Хорошо, – говорит Змей.

И он раз лизнул, второй раз лизнул и пролизал три двери. Тогда Радар цап его за язык клещами и давай бить его по голове стопудовым молотом, а дружина давай быстрее впрягать Змея в соху.

Змей вертелся, вертелся и, наконец, покорился:

– Давай, – говорит, – будем мириться!

– Хорошо – говорит Радар – давай мириться. А чтобы нам навсегда знать, где чье, то тащи соху, проведем границу.

И вот пахали они лес, пахали луг, пахали поле и добрались до большой реки; здесь Радар крикнул Змею, направляя его в воду:

– Айда, бух! – Значит, чтобы он прыгал в реку.

Змей прыгнул с пригорка, чуть не утонул, но от сохи избавился: она сорвалась с хомута и утонула ухватом вверх. Рад Змей, что жив остался, не оглядывается, пилит домой, в нору под горой, где жил князь Лях. Как увидел своего князя Змей, то еще в страхе том издали кричит ему:

– Помни, Ляша, по Бух наша! – И как только попал в свою нору, то и отпрягся.

С этих пор во веки веков та борозда, которую прозвали Бухом, или Бугом, стала границей между нашим и ляшским краем. А башня, которую строил тогда Радар, и до сих пор стоит в местности, Каменцем называется. Долго и те железные лемехи торчали из реки и сейчас, говорят, лежат там на дне.

(«Крывіч»)

Откуда татары на Беларуси

Не раз приходилось мне слышать от деда, а тот слышал еще от своего деда историю нашего переселения из Крыма. Было это в начале пятнадцатого века... Литовский князь Витовт, не имея других союзников, предложил татарам выступить против польского короля. На этот раз до большой войны не дошло. Сожгли несколько местечек, напугали королевское войско, тем дело и закончилось. Князь Витовт был признан хозяином – великим князем всей Литвы. Он попросил татарского темника поселить всадников в городках для военной службы. Татар женили на местных девушках. С того времени у некоторых сохранились двойные фамилии, как, например, Бут-Гусейнов. Плакали красотки, не желали выходить замуж за «некрещеных татарских разбойников». Да воля князя была законом. Князь щедро платил наемникам. Не жалел золота, наделял землей. Сначала татарские всадники исправно несли службу в отрядах гвардии князя. По мере падения Великого княжества Литовского татары начали заниматься торговлей и кустарщиной – выделывали шкуры. В этом они были большие мастера. Конечно, религия отмежевала их от местных людей, и держались они обособленно. Но время делало свое, татары постепенно ассимилировались, утратили свой язык, приобрели местные имена. В костел или церковь, правда, не пошли, молились в мечети, читали Коран.

(«Голас Радзімы»)

Откуда крестьяне и паны

Бог слепил пана из пшеничного теста, а мужика – из глины и, положив, чтобы сохли, пошел обедать. А в то время – откуда только взялась! – прибежала собака, простая дворняжка, понюхала мужика, скребанула по нему лапами и, добравшись до пана, начисто его съела.

Только стала облизываться, и приходит Бог. Когда увидел он, что произошло, то, схватив собаку за хвост, давай ее трясти. Из собаки посыпались господа и побежали куда попало, и где какой останавливался, так Бог его и называл. Остановился под березой – пан Березовский, под дубом – пан Дубинский, под сосной – Сосновский, под елкой – Ельский, под ольхой – Ольшанский, под горой – Подгорский, а если кто очнулся за болотом или за рекою, то пан Заболоцкий и пан Зарецкий.

(Ч. Петкевич)

Откуда шляхта

Бог сотворил людей, и мало кто знает, из чего он их сделал, но шляхтич, всем известно, сделан из творога.

Поставил его Бог на солнце сушиться, чтобы он немного очерствел.

Пока он сох, Бог отвернулся, а овчарка его и съела.

Приходит Бог, смотрит – шляхтича как и не было. Туда-сюда – куда делся?

А овчарка лохмами затрясла и гавкнула:

– Я!..

Как рассердился Бог.

– Ну, – говорит, – беги ты себе по миру: за что ни зацепишься, оттуда и выскочит шляхтич.

Отсюда и фамилии пошли известные: Березовские, Каменские, Хомутовские, Твороговские, – отсюда и шляхта пошла. Потому и говорят: шляхтич-махчич, овчарке сын.

(Е. Ляцкий)

Откуда песня

Давным-давно жил на нашей земле жестокий, лютый пан. Люди работали на него от темна до темна, а ему все было мало... Решил он однажды сам посмотреть, как работают крестьяне. Подъехал на конец поля и слышит – звучит песня: «Жніце, жнеечки, жніце ды на сонейка глядзіце. Сонейка зайшло, а мы ўсё жнём».

Рассердился барин, говорят, многих своих людей замучил до смерти, все хотел узнать, кто сочинил эту песню. Барские прислужники подсказали своему повелителю, что живет в лесу таинственный хлопчик-музыка. Как заиграет на дудочке веселую «Левониху», кажется, снопы на поле прыгают. А как споет песню грустную, словно туман по земле стелется, солнце за тучку скрывается. Наверное, тот хлопчик и сочинил песню для жнецов.

И приказал господин отыскать хлопчика-музыку. Ищут слуги день, два, три. Нигде хлопчика нет, а вокруг все поет. Приложил один из них ухо к земле и говорит: «Братцы мои, так это же земля поет, земля здесь такая...»

(«Літаратура і мастацтва»)

Откуда песня белорусская

Или по полю, или по лесу шло трое путешественников. Шли они три дня и три ночи, да еще полдня. Устали. Присели. Вдруг услышали – поет кто-то. Прислушался первый:

– Видимо, жаворонок.

– Нет, – говорит второй, – это лес шумит.

А третий припал ухом к земле и прошептал:

– Да это же земля наша поет.

(«Літаратура і мастацтва»)

Старик отец

Некогда убивали стариков. В одном селе так же всех перебили. А один сын своего отца пожалел, взял и спрятал его.

– А где, – спрашивают, – твой отец?

– Я уже его убил и похоронил.

Вдруг взялся голод. Сеять было нечем, людей ожидала смерть от голода. Бог не помогал ничуть! Сын отцу говорит:

– Отец, что делать, сеять нечем?

А отец говорит:

– Возьми со старого гумна сними крышу, солому с крыши бери и молоти, а потом сей по полю.

Взял он так и сделал. А другие люди так не сеяли. И смотрят: что он делает? Костру сеет! Осень. Зазеленела, как мы говорим, озимь. Приходит весна – рожь растет. Приходит к нему староста.

– Что ты, – говорит, – сделал? Кто тебя научил, подсказал тебе?

– Мне отец сказал.

– А где твой отец? Ты его не убил?

– Нет, пожалел.

С того года перестали стариков убивать, и пусть живут до своей смерти старики.

(«Тураўскі слоўнік»)

Как раньше дети старых родителей бросали

В старину у нас, рассказывают старожилы, было так заведено: как человек постареет, то сын вывозит его в пущу и бросает зверям.

Ну, однажды везет сын своего отца (а он его очень любил, только что делать, если так заведено).

А отец говорит:

– Неужели ты, сынок, меня оставишь?

– Я тебя, отец, не оставлю, но везу намеренно, чтобы меня не наказывали, а ночью заберу домой, и будешь жить в каморке.

Старик и старуха. Минская область

Ну, ночь настала, сын в лес поехал снова, взял отца и привез домой.
Через год случилось, что град жито побил и нечего было даже посеять.
Сын и говорит отцу:

– Так и так, как мы жить будем?

– Не горюй, сынок, – отвечает тот, – когда я гумно строил, был очень большой урожай, и я необмолоченной рожью гумно покрыл, сходи и обдери, будешь семена иметь.

Прошло некоторое время, все равно хлеба нет.

И опять говорит сын отцу:

– Так и так...

– Не горюй, сынок, – отвечает тот, – в доме под курятником много денег я закопал, достань, и будешь богатейший из всех хозяев.

И в самом деле, все с голоду умирали, а он пироги пек. Люди удивлялись, откуда это он их берет.

Некуда было деваться – признался.

С тех пор уже не бросали дети старых родителей.

(М. Федоровский)

Кто выдумал деньги

Жил один человек. И был он таким скупым, что даже жалел людям воды дать напиться. У него всего было много: сарай полны скота, а он трясется над паршивым поросенком; амбар ломится от зерна, а ему все мало – крючком висит над каждым зернышком, корочки хлеба никому не даст. Своя рожь гниет в закромах, а он завидует, когда увидит у соседа полоску пшеницы. От алчности высох, как хлыст стал. И неудивительно, так как ел один раз в день. Намесит картофеля с половой, испечет на углях и запивает холодной водой. А чтобы вкуснее было, посыпает пеплом. Потешались люди над глупым человеком, который перебивается на мякине. И прозвали его за это Мякинником. Трясется Мякинник над своим добром, выгадывает, как бы еще больше богатства заполучить. Но в хозяйстве одно прибывает, а второе убывает, как вода в реке. Скупой собирает добро, трясется, а черт над ним смеется.

Услышал Мякинник о цветке папоротника, от чар которого добро само плывет в руки. Стал спрашивать у людей о чудесном цветке и узнал, что папоротник цветет один раз в году – в ночь на Ивана Купалу, но добыть его очень трудно, так как оберегают никем невиданные сокровища черти и всякая нечисть. А Мякиннику лишь добра больше заполучить, ничего не боится, так заплонили человека жадность и стяжательство.

Наконец, настала купальская ночь. Мякинник схватил большой мешок и побежал в лес. Спряталось, чтобы отдохнуть, солнышко. На небе заблестели звезды. И столько их высыпало, что не сосчитать. «Много на свете богатства, – думает Мякинник, – и очень жаль, что нельзя им всем завладеть». Совсем, как в мешке, стемнело в лесу, только кое-где перемигиваются звезды. «Может, так блестит и цветок папоротника», – предполагает Мякинник, блуждая по лесным дебрям. Лазил он в чаще, лазил, чуть себе глаза не повыдирил. Заблудился в таком глухом лесу, что выбраться не может. Начал прислушиваться, не залает ли где-нибудь собака. Ничего не слышно. Присел на пень и не знает, куда дальше идти. Вдруг в лесу как загудело, как заскрипело! Взглянул вокруг себя – пляшут черти, обнявшись с ведьмами. Глаза блестят, будто жар. Зубы лязгают. Испугался Мякинник, трясется, как собака на морозе. Потом видит: неподалеку и папоротник блестит, как звездочка. Сразу догадался, что это цветок папоротника, бросился, чтобы быстрее схватить его. Но куда там! Не успел и два шага ступить, как с криком и визгом налетела нечисть, заслонила дорогу. Остановился Мякинник, не шевелясь, трясет его лихорадка. Хотел перекреститься, но побоялся, что великолепный цветок исчезнет. «Ну, – думает, – все равно пропадать... Продай бы черту душу, чтобы только было за что». Только он так подумал, как один чертик тут как тут. Подбежал к нему и спрашивает:

– Ты звал меня? Я тут. Будешь самым богатым в мире, но продай мне свою душу. Не нужна она тебе, только сердце из-за нее болит.

Согласился Мякинник продать душу. Только спросил: долго ли будет у него бесчисленное богатство?

– Оно всегда будет твое, – говорит черт, – и люди никогда не забудут, пока мир будет стоять, будут помнить, что все богатство – твое.

Взял бес от Мякинника бумажку, написанную человеческой кровью, а ему за это дал цветок папоротника и научил, как им пользоваться.

Поплыло с того дня Мякиннику в руки богатство. Вскоре столько добра он получил, что самому в доме места нет. Видит, что не собрать богатство со всего мира, зовет к себе черта.

– Хорошо, дам я тебе зелье, – говорит бес, – что поможет твоей беде.

Насобирав черт пота, крови и слез людских, налил полный котел, потом варил, варил и сварил золото.

– Давай его скорее сюда, у меня нет таких блестящих вещей!

– Нет, мы его сначала пустим по людям, – смеется нечистый. – Оно соберет все их богатство и вернется к тебе.

Затем черт выдумал бумажные деньги. И также пустил их по миру. Через несколько лет собралось у Мякинника столько богатства, что весь мир он мог купить. Но не рад этому богач, видит, что скоро умирать надо. Хотел подкупить смерть, а она только расхохоталась. Позвал знакомых знахарей и врачей, чтобы от смерти спастись, а они в один голос: все на свете умирают. Видит Мякинник, что нельзя выкрутиться, да и пустился на хитрость. Ссыпал все свое золото в глубокий погреб, набрал всего, может, на сто лет хватит и сидит там, прячется.

Но однажды приходит смерть и говорит:

– Чем было, тем и стань.

Только она так сказала – разлилось золото кровью и слезами людскими. Утонул в своем погребе Мякинник. Тут как тут появился черт, схватил душу Мякинника и хохочет:

– Пока будет мир стоять, до тех пор будут люди тебя вспоминать! Ведь всех ты морочил, на поте, слезах и крови людской жил!

(А. Сержпутовский)

Великий грешник

Жил на свете очень большой грешник. Такой грешник, что не было того греха, какой бы он не совершил. Такой был злодей, какого и свет не видывал: он и воровал, и разбойничал, и губил людей без покаяния. Даже Бога забыл, черту душу запродавал, колдовал; когда воровал, оборачивался волколаком, напускал на людей мор – и не было счету его грехов.

Пришло время ему умирать. Тут такой страх его объял, что не могла его душа покинуть тело. Нет ему смерти, да и только. Тут вспомнил он о Боге. Захотел исповедаться, душу свою очистить. Сколько ни приводили к нему попов, ксендзов, как расскажет им свои грехи – не дают отпущения. Такой он был грешник. А смерть не приходит, а душа его мучается, с телом не может разлучиться. Раздал он свои богатство нищим и пошел по свету искать такого угодника, который отмолил бы его грехи, разлучил душу с телом. Идет, спрашивает...

Посоветовали ему люди сходить к одному пустынноку, что целую жизнь жил в пуще, постился: ел только хлеб с водой, молился – душу спасал и угоден был Богу. И пошел он к нему. Приходит, так и так, говорит, я очень большой грешник, спаси меня, исповедуй. Ты угоден Богу, может, отпустишь мои грехи. Стал исповедоваться. Выслушал его тот пустынноик и говорит:

– Ты такой грешник, что тебя смерть не возьмет, земля не примет, пока ты свои грехи на этом свете не отстрадаешь, пока ты не сделаешь столько добра, чтобы оно твои грехи перевесило. А до тех пор ты будешь мучиться на этом свете.

И пошел тот грешник заслуживать спасения. Давал он обеты и ходил на коленях, морил голодом свое тело, нанимался к сердитым господам на работу, чтобы его били, ложился за других людей под розги, служил больным и нищим – смерть не приходит. Хотел на себя руки наложить: тонул, вешался и резался – все нет смерти, только муки принимал задаром.

И так прошло много лет. Раз идет он полем. Идет и проклинает свою долю. Взяла его злость, что нет ему смерти. «Доколе я буду мучиться?» – думает он про себя. А был первый день Пасхи. Идет он и видит много-много народу на поле – пашут, боронят. «Что бы это значило? – думает он. – Первый день Пасхи, такой праздник, что и птицы празднуют – гнезда не выют, а тут народ крещеный в земле возится». Подходит ближе, видит, войт похаживает между работниками, кричит и плетью их подгоняет. Те плачут, жалуются.

– Что это, – говорят, – ты издеваешься над нами? Разве нет у тебя Бога в сердце? Бьешь нас, пытаешь в будни, в праздник не даешь отдыха. И даже сегодня в Пасху вышли мы на барщину.

А войт ревет, как одержимый, плетью их лупит.

Смотрел, смотрел тот грешник. «Вот, – думает, – окаянный, не хуже меня, как народ мордует!» Подошел он к войту и говорит:

– Что ты делаешь? За что ты людей мучаешь?

А войт, ни слова не говоря, как хлыстнет его плетью по лбу, аж искры из глаз посыпались.

Озверел наш грешник, схватил камень, как запустил им в войта. И разбил ему череп. Войт и не ойкнул – скончался. А грешник на том месте в прах рассыпался: закончил муку – и пошла его душа на тот свет.

(П. Шейн)

Как в старину молились

В начале существования мира люди не знали, что это значит: Бог. Но вот один умнейший человек взглянул раз на небо, на звезды, да и говорит:

– Есть же тот, кто это создал.

Глянул на землю и опять говорит:

– Должен же быть тот, кто ее так напичкал. Нужно бы ему молиться, но как?

А лежала там колодка, так он своим и говорит:

– Делайте так, как я. – И перескочил через колодку. – Это тебе, – говорит, – Боже!

А обратно:

– Это мне, Боже!

И все так:

– Это тебе, Боже, это мне, Боже!

И Бог принял это за молитву. Вот как в старину люди молились.

(М. Федоровский)

Это тебе, Боже, а это мне, Боже!

В старину церкви встречались редко. Некоторые мои соседки ходили в церковь за несколько верст. Пешком ходили в Минск, в Вильно. Я так ни разу и не сходила вместе с ними. Все болела. Один раз наш сосед Тимоха взял большое полено и вырезал бога. Потом обнес одно место, чтобы туда не заходил скот, и поставил своего бога. И ходил туда молиться каждое утро.

А молился так: перепрыгивал через этого бога и говорил:

– Это тебе, Боже, а это мне, Боже!

Говорил три раза, потому что Бог любит Троицу. Троица всегда считалась священной. И его молитва была крепче, чем в церкви. Тимоха говорил, что всем миром молиться не ходят, и отговаривал от этого людей. Они больше грешили, чем молились. А вот Тимоха молился от чистого сердца. Он уговорил многих так молиться.

Потом люди построили на том месте часовню и ходили молиться туда. Вскоре появились там иконы. А через некоторое время построили у нас в Луковце и церковь. Теперь люди изда- лека приходят сюда молиться. Приносят жертвы: холст, лен, полотенца, деньги, яйца, на иконы венки брачные вешают.

А Тимоха стал большой головой в церкви, попом.

(«Легенды и предания»)

Богомолье

Жил один человек, который не умел Богу молиться и в церковь никогда не ходил, а доброй души был человек. Жил он в одиночестве, никому зла не делал, не съедал чужого добра, не пил сиротских слез, не сосал людского пота. С восходом солнца вставал, брался за работу, работал честно, а как солнце зайдет, спать ложился.

Рано утром или перед сном пойдет он, бывало, к колоде и прыгает через нее, прыгает и приговаривает:

– Тебе, Боже! Мне, Боже! Тебе, Боже! Мне, Боже!

Раз тридцать перепрыгнет колоду – вот и вся его молитва. До преклонного возраста дожил он, и люди его уважали за справедливость. Но, конечно, дураков немало: некоторые думали, что плохо ему будет на том свете, потому что он не умеет Богу молиться и в церковь не ходит. Стали они его уговаривать.

– Сходи да сходи в церковь хотя бы раз в своей жизни, без этого, – говорят, – в рай не попадешь.

Послушал он людей и пошел с ними на Пасху в церковь. Чтобы быстрее дойти, пошли они тропинками. Приходят к реке, через реку моста не было, а так – кладка. Стали люди переходить на другой берег по кладке, а этот человек пошел прямо по воде, как по сухому месту. Перешел и даже ног не замочил. Люди и удивились.

Пришли в церковь. Народу собралось много-много, ясно, Пасха. Все рвутся вперед, толкают друг друга, сами не молятся и другим не дают. Бабы собрались в углу и, как сороки, трещат, друг друга оговаривают, только ссоры заводят, а другие дремлют стоя. Парни с девушками смеются...

Вот тебе и богомолье, и спасение души. Один стыд...

Кончилось богомолье, пошли люди домой. Возвращаясь назад, попробовал этот человек перейти через реку – и до колен оказался в воде. Даже заплакал, бедняга, обернулся он к людям и говорит:

– Добрые люди, я шел в церковь, грехов не имел, из церкви возвращаюсь и грехи несусь: это они меня в воду потянули. Пожалуй, что в церкви и согрешил.

(П. Шейн)

О Боге и святых

Святой Петр и скупая баба

Была одна баба страшно скупая; никогда ничего ни одному убогому не давала. Раз, когда она полола огород, пришел нищий и так долго и настойчиво ее просил, что взяла она луковицу с перышком и кинула ему. А тот нищий был святой Петр, который иногда ходил по земле. Спустя какое-то время эта баба умерла.

Раз, когда Иисус Христос и святой Петр по тому свету ходили, увидели они, что кто-то в глубокой пропасти в пламени страшные муки терпит. А была это та самая скупая баба, которая святому Петру кинула луковицу с перышком.

Господь сжалился и просит святого Петра, чтобы он ее из пламени вытащил. Святой Петр сорвал росшую поблизости луковицу с перышком, наклонился, вытянул руку и сказал, чтобы баба взялась за перышко, чтобы ее наверх вытащить; но перышко порвалось, и баба опять в пропасть упала. Сколько раз святой Петр делал то же самое, а баба все в яму возвращалась; там ее навеки и бросили.

(Я. Карлович)

Илья и Петр

Давно это было, когда еще сам Бог по земле ходил. Передал Бог весь мир Илье и Петру. Но, конечно, где два хозяина, там никогда порядка нет. Когда один думает, что нужно дождь посылать, то второй обязательно захочет наоборот – ясную погоду. Плачут тучи, не знают, что делать, кого слушать. Пойдет дождь, так Петр прибегает и ругается, на чем свет стоит:

– Что вы делаете, зачем мочите сено? Теперь же люди косят!

– Нам, – говорят тучи, – Илья приказал.

– Ах вы! – ругается Петр. – Я вам покажу Илью! Илья всегда надевает гнилья. Схватит Петр метлу и разгонит тучи по углам, а небо чистенько подметет. Да вот откуда ни возмись тарахтит, едет Илья, кричит так, что небо и земля дрожат. Тучи вылезают из всех уголков, и уже льет такой дождь, что не только берега, но и высокие холмы затапливает. Жалуются люди Богу, что паны дерутся, а у мужиков чубы трясутся. Жалуются и просят, чтобы Бог дал ясную погоду. Зовет Бог Илью прийти к нему, чтобы его отругать, а тот говорит: «Столько развелось нечисти-чертей, что нужно их молниями побить, потому как весь мир запоганят!» Зовет Бог Петра и говорит: «Пусть Илья немного поохотится на чертей». А Илья тем временем поднимает такой гром, что аж земля стонет. Нет ни дня, ни ночи – тучи как вьюны в решете. На небе кипит, как в горшке, молнии сверкают, аж в глазах темно становится. Гроза что-то жжет то и дело, даже дубы палит, как стога. А Илья едет себе по небу и командует:

– Так, так, так! Го-го-го! Еще, еще... Лупи, лупи его, гада... Вот так-так... Го-го-го! Тресни его по затылку! Го-го-го! В затылок, в затылок лупи его, гада! Трах-трах! Так-так-так! Го-го-го!

Просят люди ради Бога, чтобы унялись раскаты. А Илья их не слушает! Ходит Петр да плюется беззубым ртом от злости. Насладится Илья, почистит свою коляску и поедет к солнышку в гости. А Петр уже подметает небо и начинает сушить землю. А то вот подходит пора сеять рожь, а земля сухая, как лепешка! Снова беда – беда уже, что нет дождя! А Илья шалит себе с солнышком и о земле забыл! Не поднимают глаз друг на друга Илья и Петр. Сердитые, боятся встретиться. Но как-то раз надумали они походить по земле, спросить людей: кого те больше любят – Петра или Илью? Как ушли они на землю, так в некотором времени и встретились. Идут они вместе и спорят. Петр говорит, что его больше любят люди, а Илья говорит, что его. Как же узнать, кто прав? Видят они, как человек сеет гречку.

– Вот, – говорит Петр, – давай спросим, кого мужики больше любят.

– Спросим, – отвечает Илья.

– Помогай Бог!

– Слава Богу!

– Скажи, добрый человек, кого вы больше любите – Петра или Илью?

Мужик почесал затылок и говорит:

– А Бог его знает, кого мы больше любим! Может, Илью, а может, Петра и Павла!

– Ты лишнего не говори, – говорит Пётр. – Скажи просто!

– Илья, Павел, Петр – добрые святые, мы их любим.

– А кого больше?

Видит мужик, что здесь не выкрутиться, и говорит:

– Ну, наверное, Павла-Петра.

Даже затрясся Илья от злости. Пошли они дальше, а Илья и говорит:

– Возьму я и сожгу ему за это ниву, – ничего не зародится!

– А я намочу, и зародится, – сказал Пётр.

– А я сделаю так: кто первый вкусит хлебца с нивы этого мужика, тот и подавится!

Ухмыльнулся Петр, и пошли они дальше.

Было очень хорошее лето. Днем ясная погода, а ночью – или теплая роса, или тихий дождь. Росло все как на дрожжах! Кажется, посади на поле дитя, то и оно вырастет. Вымахала гречка по пояс, набил мужик полгумна – вот какой урожай!

Намолотил мужик гречихи, наготовила его баба свежих хлебцев полную печку! В то время приходят опять в то село Илья и Петр и заночевали у того мужика. А Илья и не узнал его.

Сели они ужинать.

– Вот уж, слава Богу, хорошо народилась гречка. Вкусите, гости, свежих хлебцев!

А Илья тогда порядком проголодался! Он как ухватился за хлебцы, так и подавился! Он и так, и так: и водой запивает, и кулаком бьет себе в грудь-спину – хоть бы что! Догадался он, что это проклятые им хлебцы... Насилу и очухался!

С тех пор и мешает Илья людям сено косить. Но все было бы хорошо, если бы Петр не был так стар и глух. Бог говорит:

– Посылай дождь, когда люди просят.

А он не расслышит и посылает дождь, когда люди косят.

(А. Сержпутовский)

Нестёрка

Жил себе Нестёрка, было у него детей шестерка. Он крутил, мотал и этим душу свою и детей питал. Вот раз ехал святой Юрий-Егорий по своим делам к Богу на совет, тогда Нестёрка стал просить Юрия-Егория, чтобы он спросил у Бога, как ему, Нестёрке, жить; но чтобы Юрий не забыл о нем, так Нестёрка взял и отвязал одно стремя золотое у Юрия. Вот Юрий-Егорий побывал у Бога и хотел ехать во двор, но как взглянул, что стремени нет, то сразу на Нестёрку подумал, вернулся и у Бога спросил, как Нестёрке дальше жить.

А Господь ему и говорит:

– Пусть так живет, как жил.

Как вернулся Юрий от Бога, Нестёрка и выпытывает у него, спрашивал ли он Бога о нем.

Юрий говорит, что спрашивал и Бог сказал:

– Пусть так Нестёрка живет, как жил.

Потом Юрий-Егорий говорит:

– Ну, Нестёрка, давай мое золотое стремя.

А Нестёрка:

– Какое? Я не брал, и у меня нет ни стремени, ни седла, и коня нет, откуда оно будет у меня?

И не дал.

(И. Сербов)

Богач и бедная вдова

Давно, когда еще люди были не такими грешными, ходил по свету Бог со своими апостолами. Раз шли Бог, святой Юрий и святой Николай. Прошли они дорогу длинную, утомились, захотели есть и пить. Пришли в село. Подходят к новой большой хате. Святой Юрий и говорит:

– Боже, в этой хате, наверное, живет богатый человек, зайдем к нему и попросимся ночевать, может, он нас чем-нибудь попотчует.

Зашли. Сам богач лежит, вытянувшись на полатах; посреди хаты стоит светильник, а светильнике лучинка горит, под лучинкой стоит бочка с водой, куда угольки падают.

– Пусти, человек, нас переночевать, – говорит святой Юрий.

– Негде. Идите дальше.

– Дай хоть воды напиться

– Пей, коли хочешь; вон из бочки.

И богач показал им на бочку, куда угольки от лучины падали.

Попробовали этой воды святой Юрий и святой Николай и вышли. Перешли все село. На краю села стояла маленькая хатка. В этой хатке жила бедная вдова. Детей у нее как бобов, а хлеба – ни крошки. И говорит Бог апостолам:

– Вот тут мы и переночуем.

Зашли в хатку

– Пусти, женщина, нас переночевать.

– Ночуйте, – говорит, – добрые люди, на здоровье.

Была у этой вдовы одна коровка. Вдова подоила коровку и дала молочка своим ночлежникам, а сама с детьми и так спать легла. На следующий день Бог поблагодарил вдову за ночлег и пошел со святыми дальше, людей добру учить.

Идут они, идут – катится им навстречу бочка с золотом. И спрашивает бочка у Бога, куда ей катиться.

– Катись, – говорит Бог, – в это село к тому богачу, что нас ночевать не пустил.

И говорят святой Юрий и святой Николай:

– Боже, пусть лучше катится она к доброй вдове, что нас приняла...

Бог их не послушал.

Бочка и покатила к богачу. Идут дальше. Догоняет их голодный волк. Стал волк просить Бога позволить ему съесть чью-нибудь корову.

– Беги, – говорит Бог, – в это село и съешь корову той вдовы, у которой мы сегодня ночевали.

Тут снова стали просить Бога святой Юрий и святой Николай, чтобы Бог велел волку съесть корову богача, так как у него много коров, а у вдовы только одна. Бог их опять не послушал. Спрашивает волк у Бога:

– А как я узнаю корову вдовы?

– Она сама черная, а на лбу белая меточка.

Волк и побежал.

Пришли в другое село. Бог стал народ учить. И говорит святой Николай святому Юрию:

– Пока Бог будет людей учить, сбегай ты да замажь мазью у коровы вдовы белую меточку – волк и не узнает ее.

Святой Юрий сбегал, замазал и назад вернулся. А волк бегал, бегал – не нашел ни одной черной коровы с беленькой меточкой. Прибежал к Богу и говорит это ему.

– Понюхай, какая корова пахнет мазью, ту и ешь.

Увидел святой Юрий, что его работа пропала даром.

Вернулись Бог и святые на небо и нашли богача в пекле, а бедную вдову в раю.

(П. Шейн)

Как святой Юрий стал покровителем скота

Однажды Господь созвал всю домашнюю скотину под огромный дуб, стоящий на краю земли. Пришли и все святые, только Юрий припоздал. Здесь же вертелся и нечистый.

На этом сходе Господь назначил каждому творению свою еду.

Сатана выпросил для себя овес, желая таким образом быть хозяином лошадей. В это время подоспел святой Юрий и стал просить и ему назначить какую-нибудь пищу.

Бог дал Юрию осот. Юрий попросить у Бога что-нибудь получше. Бог сказал ему:

– Если отберешь у сатаны овес – твой будет.

Юрий, не теряя ни минуты, опередил сатану и засел у дыры, где ходили нечистые. Сатана, чтобы не забыть, шел и повторял: овес, овес, овес...

Тут Юрий выскочил из кустов и крикнул неожиданно: ага!..

Сатана испугался, потом, опомнившись, стал плевать:

– Тьфу, забыл, что говорил!

– Ты говорил «осот», – подсказал ему Юрий.

Сатана стал повторять «осот» вместо «овес» и отправился в свое царство.

Юрий поспешил к Богу и был назначен покровителем скота.

Поэтому пастухи считают большим грехом не побывать на праздник святого Юрия в церкви, а крестьяне – не наварить овсяного киселя.

(«Виленский вестник»)

Святой Юрий назначает волку, какую корову съесть

Жила одна вдова. Была у нее черная с белым пятном корова. Назначил святой Юрий волку съесть эту корову. Услышала об этом вдова. Соседи ей посоветовали замазать белое пятно у коровы чем-нибудь черным. Вдова так и сделала. Искал-искал ту корову волк и не нашел.

Пришел он к святому Юрию и стал жаловаться ему, что не нашел такую корову. Святой Юрий узнал, что за штуку устроили волку, и назначил ему съесть черную корову. Пошел волк искать уже черную корову. А вдова тем временем услышала и отмыла у коровы пятно. И в этот раз волк не нашел своей коровы. Ходил долго так волк, искал все корову то с пятном, то черную, а вдова все предупреждала его приход – и сдох волк от голода.

(П. Демидович)

Николай Чудотворец и святой Касьян

Рано, чуть свет, на заре, сошли с неба на землю святой Касьян и Николай Чудотворец. Идут они себе по дороге и говорят о том, как Бог все красиво на свете устроил. Шли, шли святые угодники и видят, что мужик застрял в грязи с возом дров. Увидел мужик святых угодников, бух им кулем в ноги:

– Святой Касьян, угодник Божий, помоги! Свечу тебе поставлю.

А Касьян говорит:

– Да, буду я ради тебя свою райскую одежду марать.

А на нем одежда вся золотая с блестящими камнями.

Почесал мужик затылок, видит, что с Касьяном поделаешь, повернулся к Николаю Чудотворцу: он – мужицкий заступник, на нем и одежда мужицкая: сорочка беленькая и оборочка вместо пояса.

– Николай, угодник Божий, покровитель ты наш всевышний, помоги!

Послушал Николай мужика. Засучил свитку и полез в грязь, поднапрягся и вытащил воз мужицкий.

Поехал мужик дальше. Походили угодники еще по земле, приходят на небо. Увидел их Бог и спрашивает:

– Ну что, Николай-угодник и святой Касьян. Где были, что видели?

Касьян говорит:

– Были мы, Господи, на земле; видели, как мужик вез на базар дрова и в грязи увяз.

– Ну и что же, помогли вы мужику?

– Нет, – говорит Касьян, – я пожалел марать свою райскую одежду.

– А ты, Николай?

– Я немного, – говорит, – помог; видишь, вот в грязи испачкался.

– Слава тебе, святой Николай. За это тебе люди будут служить молебны два раза в год; а тебя, святой Касьян, в три года раз...

(Е. Романов)

Народные верования и страхи

Нядзеля (Воскресенье)

Вы знаете, что Михась в среду Нядзелю вез, когда ехал в Барановичи?

Едет он, вдруг бежит барышня вся в белом и просит:

– Человек! Подвези меня.

Он говорит:

– Садись.

Она села. Едет Михась, видит вдалеке бегут две белые собаки. Барышня, как собак усмотрела, спряталась под фартук в бричке и просит у него:

– Человек, не говори ты собакам, что меня везешь.

Вот догоняют бричку собаки и спрашивают у него:

– Человек, не бежала сюда барышня в белом?

Он говорит:

– Нет, не бежала, не видел.

Они его облаяли, да и побежали в лес. Тогда барышня встала и говорит:

– Хорошо, что ты им не сказал, что тут я, Нядзеля. Если б ты им это сказал, они бы меня разорвали, и у вас не было б никогда Нядзели, были бы только будни.

Слезла она с брички, да и куда-то пропала.

(П. Демидович)

Среда и Пятница

Встретились как-то Среда и Пятница на распутье, да и пошли дальше вместе. Вот идут они, идут да встречают человека, который возвращался с ярмарки домой. Поравнялся с ними человек, да как взглянул, что идут какие-то путники женщины, сказал им: «Добрый день» – и поехал дальше. Отошли Среда и Пятница да начали спорить, кому это человек сказал «добрый день». Одна говорит – мне, и другая – мне. Долго спорили, наконец, решили вернуться и спросить у самого человека.

Перелетели они назад да опять встречают того человека. Глянул человек да сразу и узнал, что это те же самые. «Что за черт, – думает он, – что за явление такое? Я же встречал их на распутье или около поворота, а тут вот отъехал, а они идут навстречу. Кто их поймет, кто они такие, скажу опять им: «Добрый день».

Спохватился он и говорит:

– Добрый день!

– Человек, – спрашивает Среда, – кому ты сказал: «Добрый день»?

– Чего? Тпру! Чтoб тебя волки зарезали! – крикнул человек на лошадь, останавливая ее.

– Кому ты сказал: «Добрый день»? – спрашивает уже Пятница.

Человек посмотрел то на одну, то на другую и говорит:

– А я знаю! Бог вас знает, кто вы такие!

– Мы – Среда и Пятница. Кого ты больше ценишь, Среду или Пятницу?

– Среда и пятница – хорошие деньки. Мы их ценим.

– Нет, но кого ты больше любишь, Среду или Пятницу?

– Мы больше любим воскресенье, потому как это праздник.

– А из нас кого больше?

– В среду не всё едят, а в пятницу еще не прядут и не пашут.

Увидели Среда и Пятница, что от хитрого мужика ничего не добьешься, плюнули да пошли дальше. Мужик отъехал немного, оглянулся и говорит:

– Еще спрашивают, кого мы больше ценим. Обе голодом морят да еще почета хотят. Тот в почете, кто нам есть дает.

(А. Сержпутовский)

Крестьянка с прялкой

Пятница

Сидела раз в пятницу поздно вечером молодлица под окном и пряла. Слышите, кто-то в окно стучится. Распахнула она окно, смотрит: баба старенькая, сморщенная, как сучок, стоит и спрашивает у нее:

– Что ты, молодлица, так поздно прядешь?

– Как же мне не прясть, когда у меня детки малые, а помочь мне некому.

– Ну, коль ты такая упрямая, на тебе сто веретен, чтоб ты мне их к завтра все напярала.

Как сказала это баба, так и подевалась куда-то, как сквозь землю провалилась. Испугалась молодлица, видит, что-то тут неладное, думала-думала, да и придумала: прясть не стала, а взяла да по одной ниточке на каждое веретено намотала, так все сто веретен за день и замотала. Засветло снова старуха приходит и спрашивает:

– А что, молодлица, напярала ты мои веретена?

Молодлица показала ей веретена, и сказала ей старуха:

– Умная ты, молодлица, что так сделать догадалась, не сделай ты этого, а отдай мне голые веретена, я бы тебя саму как голое веретено скрутила да иссушила. Я святая Пятница. Смотри, упаси тебя Бог, никогда в пятницу не пряди.

(П. Шейн)

Про святые вечера

Одна молодая женщина была настолько охоча к работе, что перестала соблюдать святые вечера. И вот пряла она однажды чуть ли не до полуночи. Вдруг слышит, кто-то стукнул в окно. Она спрашивает:

– Кто там?

Голос отвечает:

– Я принес тебе, женщина, работу. Смотри, чтоб за сегодняшнюю ночь напярла двенадцать веретен.

Испугалась женщина. Волосы дыбом встали – ужас!

А голос опять:

– Поспешай, садись и пряди, если не будет готово нынешней ночью, то на другую ночь приготовь себе гроб.

Все стихло. Женщина, ни жива ни мертва, перекрестилась три раза и осторожно вышла на крыльцо – никого нет. Лишь лежит ворох льна. Взяла она его, принесла в хату и думает: «Что же я теперь, бедная, делать буду? Воля Божья, нужно прясть».

Решила она схитрить: обмотала куделю льняными отрёпками, а сверху напярла ниток в два ряда и таким способом все двенадцать веретен готовы.

А тем временем рассвело, домашние проснулись. Матушка говорит:

– Ты что, целую ночь пряла? А откуда куделя взялась?

Молчит женщина, никому ничего не говорит. Вынесла пряжу в кладовую, вынесла и лён, что остался: если его в дело пустить, то прясть надо будет двенадцать дней и вечеров, не меньше.

И легла спать.

Встала поздно вечером, помолилась Богу, и пошла в каморку, чтобы посмотреть на работу свою. А там нет ничего. Вернулась в хату.

И тут опять голос раздался:

– Ну, счастье твое, что работу сделала, не то пришла бы тебе погибель за то, что щедрых вечеров не чтишь. А если еще будешь прясть, я в три раза больше принесу.

Испугалась женщина, но все же решилась взглянуть в окно. Ночь была лунной, и увидела, как старик с длинной белой бородой понес на плечах двенадцать веретен. Упала женщина на пол без чувств и две недели болела, бредила. Еле-еле выходили.

(П. Шейн)

Домовой

В воззрениях белоруса домовой наделяется всеми качествами домовитого хозяина. Те, кому он «здавауся», как выражаются белорусы, то есть представлялся, привиделся, говорят, что он имеет вид старенького дедка с седой бородою и длинными седыми волосами; одет он в «насоу» (белорусский холщовый халат), а другие говорят – в белую рубаху, подпоясан он «дягой» (ременным поясом), а по другим версиям – лыком. Спит он на печи или под печью, поэтому его иногда называют подпечником. Встает он рано и пугает петуха, толкая его. Петух, с испугу, хлопает крыльями и кричит, чем будит хозяев на работу. Иногда домовой, как говорят многочисленные рассказы и поверья о нем, вздувает огонь и идет в клеть или в «сви-рен» (амбар) и просушивает хлеб, пересыпая его горстями; заглядывает в хлев и задает корму лошадям и коровам, гладит их и холит. Такие ухаживания «господаря» (другое название домового) очень благодетельные: зерно «спорнеет» от пересыпаний домового, скот становится бодрым и выносливым от его поглаживаний. «Господарь» любит дружную семью, он не терпит сварливых баб и иногда строго наказывает зачинщиков семейных несогласий: ночью, во время сна, он наваливается зачинщику на грудь и душит его. Иногда же он любит и пошалить, когда в хорошем расположении духа, когда все дела идут хорошо и хорошее предвидится в будущем: тогда он пляшет на «лавe» в хате или в клети или в сенях. Когда же семье предстоят несчастья, он, предчувствуя это, начинает завывать по ночам и этим предупреждает хозяина. С домовым нужно жить в мире, нужно уметь ему угождать, а это требует известного искусства со стороны домохозяина. Прогневишь домового – и он не только не будет «сприять», но даже может повредить в хозяйстве.

(А. Богданович)

За все бескорыстные труды домовик требует от тех, кому он покровительствует, всегдашнего почтения и того, чтобы они не забывали благодетеля в торжественные для семьи дни. Признательные хозяева чествуют домовика просьбою пожаловать за стол (в поминальные дни), постилая ради него чистую холстину от порога до стола; подобное, но безмолвное приглашение делают они и при крестинном и свадебном сборе. Как в этих случаях, так и при будничном употреблении имя домовика произносится ласково, заискивающе – «деденька, дяденька, браток, самый набольший».

Как «набольший» в доме, домовик капризен, даже привередлив и не мирится с тем, что идет против его воли, вкусов и привычек. Так он не выносит присутствия в доме зеркал, масок, скоморошских сборищ; не любит, когда у порога лежит какой-нибудь предмет, а тем более живое существо, что мешает его переходам из хаты в сени и обратно. Тогда он начинает проказничать и тем предостерегает жильцов от своего дальнейшего гнева. Ночью он сваливает всю посуду в лохань, перемещает утварь, поставив, например, кочергу и ухваты в кут, скамьи и табуреты – в порожний угол, или же все это сваливает грудю под лавку, под нары, в подпечье, причем оставляет нетронутыми иконы, хлеб и соль на столе. Нечто подобное делает домовик и во время своих подшучиваний и заигрываний с жильцами, выражая тем свое расположение: толкает, даже щиплет спящих, отчего у них бывают синяки, которые, однако, не болят. Особенно часто он подшучивает над супругами и любитесь временными их распрями, ради чего незримо подбавляет в их пищу и питье «раздорное зелье». При игривом, как и безразличном состоянии, домовик любит рядиться в одежду хозяина, однако спешно кладет на место, коль скоро она понадобится.

Обычным местопребыванием домового считается запечный угол, откуда он заходит в подполье (под нары), в подпечье, где коротает досуг с мышами и курами; излюбленным же местом его в запечном углу служит именно линия соединения запечных стен, всегда приходя-

щихся против кута, откуда он надзирает за семьей во время полного сбора ее при еде, семейном совете, приеме гостей, для чего он высовывается над поверхностью печи по грудь. Вне этой надобности домовый спускается в самый низ запечного угла, где обыкновенно дремлет.

Кроме мест в хате домовый ютится в сенях, на чердаке и в клети, когда в сих местах летнею порою больше пребывает и семья.

Домовой «от чертей отстал – и к людям не пристал» (или наоборот: от людей отстал – и к чертям не пристал): он живет по старине незапамятной, мыслит и смотрит на все так, как это было в момент превращения; то же наследуют и его сыновья. Посему домовый не уживается с новшествами, а ютится и благодетельствует там, где живут проще, по старине.

(Н. Никифоровский)

Заговор от домового

Царь хазяюшка дваравой! Царіца хазяюшка дваравіца! І дарую я цябе і хлебом и сольлю і нізкім паклонам, а што сам ем, пью, тым цябе дарю. А ты хазяюшка бацюшка і хазяюшка матушка, мяне берегі і скацінку блюдзі! Амінь.

Кикимора

Кикиморы (вещицы) – младенчески юные существа, живущие в домах, исключительно женского пола, загубленные до крещения дочери или проклятые матерью еще в утробе. Благодаря своему юному возрасту, который не меняется с годами, кикиморы совершенно безвредны, хотя и засылаются в дома с враждебной целью. В основном кикиморы поселяются в тех домах, где произошло убийство детей, проклятие и вблизи которых был спрятан труп. Но кикиморы совершенно забывают о целях пребывания в доме, заигрываются и досаждают жильцам разве одной возней, от которой слышится неопределенный шум, который прерывается изредка немощным писком и визгом. Но среди самой оживленной возни кикиморы внезапно останавливаются: это значит, внимание их привлечено к созерцанию домашней обстановки, тех или иных работ, сверстниц и сверстников, ласкаемых своими матерями. Тогда кикиморы издают особенный, ни с чем земным не сравнимый вздох, в котором сказывается зависть к чужой ласке и недостижимое желание ее получить. Не зная иной работы, кикиморы чаще всего набрасываются на положенное кем-то шитье или пряжу, чтобы угодить ласковой матери или ее дочери, и продолжают шить или прясть. Цель, однако, не достигается, потому как кривые и неуместные швы, неравенство выпряжденных нитей и т. д. поутру разбираются матерями и в адрес «мастериц» следуют укоры, замечания, даже ругательства. Все это еще более удручает бедных кикимор, вызывает более тяжкие вздохи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.